

Юлия Тупикина, +7 988 318 86 95

Квентин Дорвард

Инсценировка романа Вальтера Скотта “Квентин Дорвард”

*Квентин
Король
Изабелла
Амелина – 35 лет
Жанна
Меченый
Птит-Андре
Трузешель
Дюнуа
Каннингем
Кревкер
Орлеанский
Оливье
Графиня де Кревкер
Вепрь
Карл
Цыган
Кардинал
Сын
Павийон
Настоятель
Астролог*

1.
Изабелла играет на лютне.

ИЗАБЕЛЛА. О рыцарь мой!
Всё скрыто тьмой,
Миг встречи недалек,
И в час желанный благоуханный
Повеял ветерок.
Покой везде. В своем гнезде
Умолк певец дневной.
Я знаю, это — любви примета,
Но где же рыцарь мой?
Пастух поет. К нему идет
Любимая тайком.
Поет ночами о знатной даме
Влюбленный под окном.
Звезда любви! Лучи твои
Над небом и землей.
Ты все светила огнем затмила,

Но где же рыцарь мой?

2.

Король и Квентин сидят в трактире за столом, на котором уже только остатки еды. Они пьют вино.

КОРОЛЬ. Ну как? Вкусно было?

КВЕНТИН. За этот перигорский пирог можно отдать свою жизнь. Как те гомеровские герои: они ели лотос и забывали родину, близких, свои общественные обязанности, да что там... Его аппетитно подрумяненная корка вздымается подобно крепостной стене вокруг богатого города. Сочное рагу с чесночной приправой, я буду вспоминать тебя долго. Окорок, великолепный окорок, еще недавно он бегал благородным вепрем. Белые круглые булочки с румяной коркой, ммм... А вино, вино превосходное.

КОРОЛЬ. Ха-ха! Эк тебя развезло! Или купание в холодной воде так подействовало?

КВЕНТИН. Купание даже не отбило мне аппетит.

КОРОЛЬ. Я вижу, вижу по этим объедкам. Давай выпьем за тебя, мой друг. За то, чтобы ты нашёл своё призвание и поступил в шотландскую гвардию, чтобы охранять короля. И жил вон в том замке.

КВЕНТИН. Пропала всякая охота.

КОРОЛЬ. Что так, любезный?

КВЕНТИН. Мне, сказать по правде, не особенно хочется жить вблизи дубов с такими желудями, как вон тот.

КОРОЛЬ. Что там? Я не вижу.

КВЕНТИН. Вон там, на выстрел от королевского замка, стоит прекрасный старый дуб, а на нём висит человек в точно таком же сером камзоле, какой на мне.

КОРОЛЬ. А ведь и правда! Вот что значит молодые глаза, чёрт возьми! Ну а что, милый друг, тут особенного? Лето перейдет в осень, лунные ночи станут длинней, а дороги опасней, и ты увидишь на этом дубе не один, а десяток и два таких желудей. Что за важность? С каждым таким висельником во Франции становится меньше одним разбойником или мошенником, одним грабителем или притеснителем народа. Это только доказательство справедливости нашего государя, вот и всё.

КВЕНТИН. Они воняют.

КОРОЛЬ. Ты просто очень молодой, ещё не знаешь, что в мире ничто так приятно не пахнет, как труп врага, предателя или изменника. Ты шотландец, наследственный враг англичан. А значит, естественный друг Франции. Дворянин. Дворянин?

КВЕНТИН. В пятнадцати поколениях.

КОРОЛЬ. Ну вот, и ты будешь стоять ближе всего к королю, это большая честь.

КВЕНТИН. Король, говорят, хитрая бестия и предатель.

КОРОЛЬ. Предатель? Да как ты смеешь такое говорить про нашего короля? Король занимается политикой. Политикой, понимаешь? Что ты в этом понимаешь, ты, мелкая сошка! Король делает из Франции великую страну, великую страну, понимаешь?

КВЕНТИН. Но я не решил, кому служить. Может, королю Франции, а может, Карлу, герцогу Бургундии. Говорят, там жизнь богаче, да и бургундцы – славные ребята, честные.

КОРОЛЬ. Герцог Бургундский — смельчак, человек горячий и вспыльчивый, отчаянная голова, что и говорить! Во всех схватках он всегда первый, всегда во главе своих рыцарей и вассалов. Но неужели ты думаешь, что там можно сделать карьеру? Если ты иностранец, ничего не жди на службе у герцога — ни высокого чина, ни земель, ни денег: все это достаётся только своим, только сынам родной земли. А между тем, у короля всё по-другому. Король не скупится – большие деньги, превосходная одежда, лучшее оружие – получишь всё. Каждый стрелок имеет прекрасную лошадь, может держать оруженосца, пажа, слугу и двух телохранителей. Ты станешь знатным человеком. Богатым человеком. Или ты уже богат?

КВЕНТИН. Откровенно говоря, содержимое моего кармана нисколько не прибавляет мне весу.

КОРОЛЬ. А у твоего дяди Лесли всегда найдется в запасе какая-нибудь безделушка — не цепь, так браслет, не браслет, так ожерелье.

КВЕНТИН. А где он их берёт?

КОРОЛЬ. Ха-ха! Где он их берёт? Они, конечно, не растут на кустах или в поле. Их нужно взять. Война, братец. Война на то она и война!

КВЕНТИН. Моя мама умерла.

КОРОЛЬ. Умерла? Люди умирают, это естественно. А что твой отец, он отправил тебя сюда служить французскому королю, так?

КВЕНТИН. Мама умерла уже вдовой. Отец, оба дяди, два моих старших брата, семеро других наших родственников, наш управляющий, менестрель и шестеро слуг – все убиты.

КОРОЛЬ. Убиты? Вот как.

КВЕНТИН. Они защищали наш замок от нападения соседей. Огилви – это они всех убили. И теперь в Глен-хулакине не осталось камня на камне.

КОРОЛЬ. Эти Огилви, они, видно, плохие соседи.

КВЕНТИН. Это произошло в прошлом году, в день святого Иуды.

КОРОЛЬ. В день святого Иуды. Представь себе, в это время твой дядя с двадцатью товарищами атаковал замок Чёрный Утес. Хозяину - Железной Руке - он вождь вольных стрелков, ты, наверное, слыхал о нём. В общем, хозяину он раскроил голову на пороге его собственного дома! Ха-ха! И взял столько золота, что из него вышла длинная цепь, которая теперь стала короче, ха-ха! А знаешь, почему короче? Он её пускает в оборот. Отрывает зубами кусок – и отдаёт слуге, чтобы тот расплатился этим за что-нибудь. Ха-ха!

КВЕНТИН. Меня спасли монахи. Перевязали, унесли к себе в монастырь. Я потерял много крови, долго болел. Они выходили меня. Научили читать, писать, считать.

КОРОЛЬ. Чёрт возьми! Значит, ты умеешь читать и писать? Твой дядя не умеет.

КВЕНТИН. Отец настоятель хотел, чтобы я стал монахом. Но мама умерла. Я выздоровел. И попросил их отпустить меня. И они благословили меня пойти поискать счастья.

КОРОЛЬ. Это очень хорошо, что ты не стал монахом. Мы сделаем из тебя отличного воина.

КВЕНТИН. Воина?

КОРОЛЬ. А кого ещё? Охота - лучшее развлечение, а война — единственное серьёзное дело.

КВЕНТИН. Кровь, осколки костей, кишки.

КОРОЛЬ. Твой первый долг — жестоко мстить врагам. Ты же не хочешь оставить зло безнаказанным? Ты должен вернуться и отомстить Огилви за смерть твоей семьи.

КВЕНТИН. Не знаю, хочу ли я мстить.

КОРОЛЬ. Я уже дал знать твоему дяде, Людовику Лесли Меченому, что ты хочешь встретиться с ним, скоро вы увидите. И спроси его, каково ему живётся на службе у французского короля. Твой дядя мог бы легко тебя устроить на первое освободившееся место. Да и я, сказать по правде, имею кое-какие связи и могу быть тебе полезен. Надеюсь, ты едешь верхом не хуже, чем стреляешь из лука?

КВЕНТИН. Я горец. Стреляю и езжу на лошади с рождения.

КОРОЛЬ. И когда ты станешь знаменитым воином, ты вернёшься и убьёшь их всех, до последнего младенца.

КВЕНТИН. Я не хочу убивать младенцев.

КОРОЛЬ. Слабак. Ты слабак и как будто сделан из соломы. Твои убитые родственники сгорают от стыда за тебя. Кто отомстит за них?

КВЕНТИН. Я последний из рода.

КОРОЛЬ. А значит, у тебя нет выбора. И святая пречистая дева поможет тебе.

КВЕНТИН. Опять смерть?

КОРОЛЬ (*передразнивает*). Опять смерть? Тьфу! Баба, настоящая баба.

КВЕНТИН. Я дворянин, не говорите так со мной.

КОРОЛЬ (*передразнивает*). Не говорите так со мной. Ты дворянин. Ты родился воином. Чем тебе ещё заниматься, если не войной? А на что ещё ты годеи? Что ты намерен делать? Денег у тебя нет.

КВЕНТИН. Да, это так.

КОРОЛЬ. Давай, сынок. Господь поможет тебе. И я тоже кое-чем.

КВЕНТИН. Но всё-таки скажите, кто вы? Вы богатый торговец?

КОРОЛЬ. Меня зовут дядюшка Пьер. За титулом я не гонюсь, потому что человек простой и живу скромно, довольствуюсь небольшим доходом. Да ты ешь-ешь. Эк тебя развезло.

КВЕНТИН. Ну что ж, пусть будет дядюшка Пьер. Откровенно говоря, я не ел два дня. И ваша щедрость...

В комнату с подносом входит Изабелла.

КОРОЛЬ. Ну так и что моя щедрость?

КВЕНТИН. Что?

КОРОЛЬ (*Изабелле*). В чём дело? Зачем ты здесь... Жаклина?

ИЗАБЕЛЛА. Тётя болеет и не может...

КОРОЛЬ. Болеет! Так ли уж она болеет?!

Квентин берет поднос у испуганной Изабеллы.

КВЕНТИН. Позвольте, я помогу.

КОРОЛЬ. Ну ладно, ладно. Я не сержусь. Ты ещё слишком молода, чтобы быть вероломной и лживой, как все вы, женщины. Вот и господин шотландский рыцарь скажет тебе то же про ваше мерзкое племя.

КВЕНТИН. Я готов бросить перчатку любому человеку, который осмелится утверждать, будто за такой прелестной внешностью может скрываться злое сердце.

КОРОЛЬ. Ты просто ещё молод и глуп. И так же плохо знаешь женщин, как и короля, о котором судишь вкривь и вкось. Можешь идти, Жаклина. А уж твоей легкомысленной тётке я непременно скажу. Чтобы она не выставляла тебя на обозрение.

ИЗАБЕЛЛА. Она прислала меня только затем, чтобы прислуживать вам.

КОРОЛЬ. Ты, кажется, намерена со мной спорить, малютка? Или, может быть, тебе хочется подольше полюбоваться на этого молодца? Ступай, чёрт возьми!

Изабелла уходит.

Прелестная девушка, не правда ли?

КВЕНТИН. Слишком хороша, чтобы быть служанкой в трактире.

КОРОЛЬ. Она, конечно, могла бы украсить дом любого честного горожанина. Но такая невоспитанная и низкого рода. Ну, мне пора. Выпей за моё здоровье.

Король достаёт кошелёк и пересыпает из него серебрянные монеты в кубок из-под вина.

КВЕНТИН. Столько денег! Но я не могу принять это...

КОРОЛЬ. Без возражений, молодой человек! Мне пора. Прощаюсь с тобой. А ты иди по направлению к замку – твой дядя встретит тебя по дороге.

Король уходит. Квентин пересыпает монеты в свой кошелёк, никогда он не видел столько денег.

3.

Квентин и несколько цыган стоят связанные возле дубовой роицы, тут же на земле лежит мёртвый человек с петлёй на шее. Труазешель и Птит-Андре вяжут верёвки с петлями на толстые ветки.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Ну что, нехристи, колдуны и разбойники. Мешаем правосудию короля?

ПТИТ-АНДРЕ. Какие хорошие деревья, Труазеншель.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Отличные деревья, и правда. Крепкие ветки такие.

Палачи вздёргивают на дереве одного из связанных цыган.

КВЕНТИН. Господа! Это какая-то ошибка. Я шотландец, и вы не имеете права казнить меня, не разобравшись. Шотландцы – друзья французов. А кто эти люди – я не знаю.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Ты посмел бунтовать против нашего короля?

ПТИТ-АНДРЕ. Ха-ха! Голубчик, ты это плохо придумал.

КВЕНТИН. Нет, что вы, я не посмел даже подумать такое. Он болтался на дереве и корчился. Я иду и вижу, что какой-то человек болтается на дереве, ещё

живой. Я же христианин. Господь велел помогать ближнему своему. Я просто перерезал верёвку.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. А ты что, не видел эмблему короля? Эту лилию.

КВЕНТИН. Человек болтался в предсмертных судорогах. Из простого чувства сострадания я перерезал веревку. Ни о лилиях, ни о левкоях не думал.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Это правосудие. А ты помешал правосудию. И за это будешь казнён, будь ты хоть шотландец, хоть чёрт лысый.

ПТИТ-АНДРЕ. Земная жизнь — вещь низкая, презренная и ничего не стоящая, приятель.

Палачи вздёргивают на дереве одного из связанных цыган.

КВЕНТИН. Выслушайте меня, не дайте умереть невинному! Мои соотечественники этого так не оставят, они вам отомстят за мою смерть в этой жизни, а в будущей вы дадите ответ самому богу за напрасно пролитую кровь!

ПТИТ-АНДРЕ. Мужайся, сынок! Коли довелось поплясать — делать нечего, надо плясать веселей. *(показывает верёвку)* Кстати, и скрипка настроена.

ТРУАЗЕШЕЛЬ *(подхватывая Квентина под одну руку)*. *Beati qui in Domino moriuntur!*», блаженна душа, отлетающая от скорбящего человека.

ПТИТ-АНДРЕ *(подхватывая Квентина под другую руку)*. Чем комедия короче, тем она лучше.

КВЕНТИН. Если здесь есть хоть одна добрая христианская душа, пусть передаст Людовику Лесли, стрелку шотландской гвардии, что его племянника подло убили!

Из толпы выходит шотландский стрелок - Каннингем.

КАННИНГЕМ. Эй, вы! Если этот юноша — шотландец, я не допущу, чтобы он был повешен!

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Сохрани бог, господин рыцарь. Но мы должны выполнить приказ.

КВЕНТИН. Спаси меня, земляк! Именем Шотландии и святого Андрея молю тебя, заступись за меня! Я не виноват!

КАННИНГЕМ *(обнажая меч)*. Именем святого Андрея клянусь, что им удастся схватить тебя, только переступив через мой труп!

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Знаете, сударь, вы наносите величайшее оскорбление господину прево, вмешиваясь в дело, порученное ему королем, и нарушая ход королевского правосудия! Я уж не говорю о несправедливости по отношению ко мне, в руки которого преступник отдан самим законом.

ПТИТ-АНДРЕ. Но и молодому человеку вы едва ли оказываете большую услугу. Он вряд ли будет так хорошо подготовлен к смерти, как в этот раз.

КАННИНГЕМ. Если мой соотечественник разделяет это мнение, я готов сейчас же, не говоря ни слова, отдать его вам.

КВЕНТИН. Нет, нет, ради бога, не слушайте его! Уж лучше отрубите мне голову вашим длинным мечом!

КАННИНГЕМ. Но скажите мне, наконец, в чём провинился этот юноша?

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Он вынул из петли преступника.

КАННИНГЕМ (*Квентину*). За каким чертом тебе понадобилось трогать мертвеца? Правосудие всюду оставляет повешенных на своем пути: они здесь висят на каждом дереве, словно гроздь в винограднике... Послушайте, господин исполнитель закона, вы же видите, что это ошибка. Надо быть снисходительнее к такому молоденькому мальчику, да еще чужестранцу.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Но у нас приказ.

КВЕНТИН. Дядя!

Появляется Меченый в сопровождении шотландских стрелков.

МЕЧЕНЫЙ. Отпустите моего племянника, он шотландский дворянин.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. На каком основании вы, стрелок королевской гвардии, противитесь приведению в исполнение королевского приговора?

МЕЧЕНЫЙ. Ваше обвинение — чистейшая ложь, клянусь святым Мартином! Разве казнь преступника и убийство моего племянника имеют что-нибудь общее?

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Ваш племянник может быть таким же преступником, как и всякий другой.

МЕЧЕНЫЙ. Да, но ведь нам, шотландским стрелкам, даны привилегии. Правда, друзья?

СТРЕЛКИ. Правда, правда! Нам даны привилегии! Да здравствует король Людовик! Да здравствует храбрый Лесли! Да здравствует шотландская гвардия! Смерть тому, кто посягнёт на наши привилегии!

МЕЧЕНЫЙ. А вешать нас может только старый Сэнди Уилсон — собственный палач шотландских стрелков. И дать это право другому — значило бы кровно оскорбить Сэнди.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Образумьтесь, господа. Этот молодчик не состоит в стрелках и не имеет права пользоваться вашими привилегиями, как вы их называете.

МЕЧЕНЫЙ. Он мой племянник!

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Но не стрелок гвардии, полагаю!

МЕЧЕНЫЙ (*посоветовавшись с друзьями*). Именно сегодня мой племянник зачислен в гвардию шотландских стрелков. Клянусь святым Андреем.

КВЕНТИН. Но послушайте, дядя, ведь я ещё не решил, поступать мне в королевскую гвардию или нет.

МЕЧЕНЫЙ. В таком случае, братец, решай уж заодно — быть тебе повешенным или нет.

Квентин подписывает бумаги и его освобождают.

Дай обнять тебя, племянник. Теперь ты стрелок шотландской гвардии. Я уже знаю, что Огилви вырезали нашу семью. (*Слуге*) Эй, Андре! (*отрывает зубами кусок своей золотой цепи*) Снеси это в монастырь святого Мартина, моему приятелю — веселому отцу Бонифацию. Кланяйся и передай, что у меня умерли брат, сестра и еще несколько родственников и что я прошу его помолиться в церкви за упокой их душ столько раз, сколько он найдет возможным за этот

обрывок цепи. Если же этого окажется мало, чтобы спасти их души из чистилища, пусть еще помолится в долг. Прибавь, что родственники мои были все люди честные, не еретики, так что и без наших молитв могут скоро освободиться, а может быть, уже освободились. В таком случае пусть отец Бонифаций хоть часть этого золота употребит на то, чтобы предать анафеме весь род по имени Огилви из графства Ангюс. Да попроси от меня святого отца не поскупишься на самые сильные проклятия, какие только есть у нашей церкви. Слышишь, Эндрю? Понял ты меня? Да смотри, брат, берегись, если хоть одно звено этой цепочки вместо рук монаха попадет в кабак! Я так отделаю тебя плетью, что на тебе останется не больше кожи, чем на святом Варфоломее.

4.

Королевский дворец. Весь двор собрался, чтобы поприветствовать короля, а потом ехать на охоту.

МЕЧЕНЬ. Смотри, видишь, эту пряжку? Там дева Мария. Эти пряжки подарил сам король, нам всем, шотландским стрелкам из охраны. Нашейник мой, налокотники и нагрудники – всё из превосходной стали, искусно выложенной серебром. Видишь, кольчуга сверкает, как иней ярким морозным утром на папоротнике или вереске. Камзол видишь? Он из дорогого голубого бархата с разрезами по бокам, как у герольдов, а на спине – смотри – вышитые серебром андреевские кресты. Наколенники и набедренники из чешуйчатой стали. Сапоги кованые стальные, вот так! А кинжал видел? Он называется «Милость божья». А возьми в руки меч. Тяжёлый, да? Сколько я черепов им разрубил!

КВЕНТИН. Да, дядя, ты выглядишь внушительно.

МЕЧЕНЬ. И ты тоже будешь. Если твоя храбрость и верность окажутся под стать твоей внешности, у меня будет самый красивый и самый доблестный оруженосец во всей нашей гвардии.

КВЕНТИН. А что мне надо будет делать?

МЕЧЕНЬ. Что поручат. Сначала охранять.

КВЕНТИН. А кто тот человек, дядя? Он так просто одет, а все с ним так любезны.

МЕЧЕНЬ. Это Оливье, цирюльник короля.

КВЕНТИН. А тот крепыш?

МЕЧЕНЬ. А это граф, сын знаменитого Дюнуа, который сражался под знаменем Жанны д'Арк. Хороший малый.

КВЕНТИН. А тот вялый?

МЕЧЕНЬ. А тот вялый может стать нашим следующим королём. Это герцог Орлеанский, первый принц, кузен нашего короля. Король хочет женить его на своей младшей дочери, принцессе Жанне.

Входит Король.

КВЕНТИН. Это же дядюшка Пьер.

МЕЧЕНЬ. Это король.

КОРОЛЬ (*Квентину*). Итак, молодой человек, ты, говорят, в первый же день своего прибытия уже успел набедокурить. Но я прощаю тебя, потому что во всем виноват этот старый дурень, дядюшка Пьер, вообразивший, что твою

шотландскую кровь нужно с утра подогреть добрым вином. Кстати, у меня уже есть для тебя маленькое поручение. (*Меченому*) Лесли, он — славный юноша, только немного горяч. Прикажи записать год, день, час и минуту его рождения — мой астролог составит его гороскоп.

МЕЧЕННЫЙ. Будет сделано, ваша милость.

Входит Жанна.

КОРОЛЬ. А, дочь моя, презирающая свет... Куда это ты так нарядилась сегодня утром — на охоту или в монастырь? Отвечай!

ЖАННА. Куда прикажете, государь.

КОРОЛЬ. Я знаю, Жанна, тебе хотелось бы уверить нас, что твое заветное желание — покинуть двор и отказаться от света и мирской суеты. Но не в этом твоё призвание. Нет, любезная дочь, мне и ещё кое-кому лучше известны твои настоящие мысли. (*Орлеанскому*) Не правда ли, герцог? Подойдите, любезный наш брат, и предложите руку своей невесте.

Герцог Орлеанский подаёт руку Жанне.

Потише, потише, любезный кузен! К каким сумасбродствам приводит иногда влюбленных их торопливость! А теперь на коней, господа! Да благословят бог и святой Губерт нашу сегодняшнюю охоту!

ДЮНУА. Боюсь, что мне придется вас задержать, государь. Бургундский посол ждет у ворот. Он требует немедленной аудиенции.

КОРОЛЬ. Требует? Но разве ты не сказал ему, что сегодня я принять не могу, у меня охота. А завтра праздник святого Мартина, который мы, с помощью божьей, не желаем осквернять земными помыслами. Послезавтра же мы отправляемся в Амбуаз. Но, возвратившись оттуда, примем его, как только нам позволят другие неотложные дела.

ДЮНУА. Я все сказал ему, государь, но он всё твердит...

КОРОЛЬ. Я, право, друг мой, так же мало обращаю внимания на дерзких послов из Бургундии, как башни этого замка — на северо-восточный ветер, который принес нам этого нежданного гостя.

ДЮНУА. Граф де Кревкер ждет у ворот с трубачами и всей своей свитой. Он объявил, что, если ваше величество откажет ему в аудиенции, он будет ждать хоть до полуночи. Добьётся своего и переговорит с вашим величеством в любой час, как только вы выйдете из замка и куда бы вы ни шли, государь: по делам, на прогулку или на молитву.

КОРОЛЬ. Он дурак. Неужели этот взбалмошный фламандец воображает, что разумному человеку трудно просидеть спокойно двадцать четыре часа в стенах своего замка. Охоту придётся отменить.

ДЮНУА. Он говорит, что если вы не дадите ему аудиенции, то, по приказу своего господина, он прибьёт перчатку к ограде вашего замка в знак того, что герцог Бургундский отказывается от верности Франции и немедленно объявляет ей войну.

КОРОЛЬ. Вот как! И так говорит с нами наш старинный вассал! Так обращается к нам наш любезный кузен! Ну что же, Дюнуа, придётся нам развернуть боевое знамя и кликнуть: «Дени Монжуа!» - «Святой Денис с нами!»

ДЮНУА. В добрый час, государь, слава богу!

МЕЧЕНЫЙ. Война! Война на то она и война! Дени Монжуа!

Клич подхватывает весь двор.

КОРОЛЬ. Однако сохрани бог, чтобы мы, христианнейший король, стали проливать французскую кровь без крайней необходимости. Жизнь наших подданных мы ставим выше всех оскорблений, какие может нанести нашему достоинству какой-нибудь грубиян. Впустить сюда бургундского посла!

Входит Кревкер и его герольд.

Подойдите, граф де Кревкер. Надеемся, что ваша прекрасная супруга, в жилах которой течет кровь наших предков, находится в добром здоровье. Если бы вы явились рука об руку с нею, граф, мы могли бы подумать, что вы надели ваши доспехи, чтобы отстаивать первенство ее красоты перед всеми влюбленными рыцарями Франции. Но сейчас мы положительно отказываемся понять, что означает ваш воинственный вид.

КРЕВКЕР. Государь, граф де Кревкер оплакивает свое несчастье и просит прощения у вашего величества, но в настоящем случае он не может отвечать вам с той смиренной почтительностью, с какой он обязан говорить с государем. Но Филипп Кревкер говорит не от своего имени: устами его говорит его доблестный государь и повелитель герцог Бургундский.

КОРОЛЬ. Что же скажет нам герцог Бургундский устами графа де Кревкера?

КРЕВКЕР. Король французский! Великий герцог Бургундский еще раз шлёт вам письменный перечень обид и притеснений, совершённых на его границе чиновниками и гарнизонами вашего величества. Вот первый пункт, на который он требует ответа.

Король быстро смотрит бумаги, которые держит перед ним коленопреклоненный герольд.

КОРОЛЬ. Это дело давно уже рассмотрено нашим советом. Некоторые из перечисленных здесь оскорблений были лишь возмездием, другие ничем не доказаны, а третьи уже отомщены войсками и гарнизонами герцога. Все незаконные поступки на нашей границе были сделаны не только без нашего ведома, но и вопреки нашим строжайшим повелениям.

КРЕВКЕР. Я передам ответ вашего величества, но осмелюсь заметить, что ответ этот ничуть не отличается от прежних уклончивых ответов вашего величества на справедливые жалобы моего господина. И я не думаю, что такой ответ удовлетворит моего государя и восстановит мир и согласие между Францией и Бургундией.

КОРОЛЬ. Да будет так, как угодно господа. Продолжай!

КРЕВКЕР. Второе требование, на котором настаивает мой государь: чтобы ваше величество прекратили тайные сношения с его городами Гентом, Льежем и Малином. Чтобы вы немедленно отозвали оттуда своих тайных агентов, которые сеют смуту среди его добрых фламандских граждан. Чтобы ваше величество отдали нам для заслуженного наказания тех изменников, которые бежали из Бургундии, совершив свои вероломные поступки, и нашли надёжный приют в Париже, Орлеане, Туре и других французских городах.

КОРОЛЬ. Передай герцогу Бургундскому, что я ничего не знаю о тех тайных кознях, в которых он так дерзко меня обвиняет. Да, мои французские подданные действительно находятся в постоянных сношениях со славными городами Фландрии, но сношения эти чисто торгового характера. Многие фламандцы живут в нашем государстве по тем же причинам и пользуются покровительством наших законов и между ними нет ни одного скрывающегося изменника или ослушника герцогской воли. Продолжай!

КРЕВКЕР. Герцог Бургундский требует, чтобы король французский немедленно и под верной охраной выслал к нему Изабеллу, графиню де Круа, и её родственницу графиню Амелину, той же фамилии. Графиня Изабелла, состоящая под его опекой по законам страны и по положению своих феодальных владений, бежала из Бургундии и нашла тайный приют и покровительство у вас. И вы подстрекаете её к неповиновению герцогу, её законному государю и опекуну, и тем нарушаете все законы божеские и человеческие, признаваемые всей цивилизованной Европой. Ещё раз жду ответа вашего величества.

КОРОЛЬ. Кто смеет утверждать, что эти дамы находятся в моих владениях? А если бы даже и так, кто смеет сказать, что я содействовал их побегу или взял их под своё покровительство? Где доказательства, что они во Франции и что мне известно их убежище?

КРЕВКЕР. Был свидетель, который видел этих дам в гостинице «Лилия», неподалёку от вашего замка. Он видел их в вашем обществе, государь, хотя ваше величество и были переодеты в недостойный вашего звания костюм турецкого горожанина. В вашем присутствии, государь, этот свидетель получил от дам письма и устные поручения к их друзьям во Фландрию. То и другое было передано этим человеком герцогу Бургундскому.

КОРОЛЬ. Где же он, этот свидетель? Приведите его сюда. Посмотрим, осмелится ли он повторить в нашем присутствии свою гнусную ложь.

КРЕВКЕР. Вы заранее торжествуете, государь, потому что знаете, что свидетеля этого больше нет в живых. Это был бродяга-цыган по имени Замет Мограбин. Вчера, как я узнал, он был казнен вашими палачами.

КОРОЛЬ. Клянусь пречистой девой Эмбренской, это обвинение так нелепо!

КРЕВКЕР. Слушай же, Людовик Валуа, король Франции! Слушайте, вельможи и дворяне, здесь присутствующие! Слушайте и вы все, честные и добрые люди! Я, Филипп Кревкер де Корде, рыцарь почётного ордена Золотого Руна, именем моего могущественного государя и повелителя Карла — милостью божьей герцога Бургундии и Лотарингии, Брабанта и Лимбурга, Люксембурга и Гельдерна, графа Фландрии и Артуа, княжества Эно, Голландии, Зеландии, Намюра и Зутфена, маркиза Священной империи, владетеля Фрисланда, Салина

и Малина, — во всеуслышание объявляю вам, что мой герцог отказывается от всякого повиновения и подданства вашему престолу, объявляет вас вероломным лжецом и вызывает на бой как короля и человека! Вот вам залог и подтверждение того, что я сказал! Да здравствует Бургундия!

Кревкер снимает с правой руки латную перчатку, бросает её на пол и выходит из зала, не поклонившись.

МЕЧЕННЫЙ. Бейте его! Рубите его! Он осмелился оскорбить, короля в его собственном замке!

КОРОЛЬ. Молчать! И чтобы ничья рука не смела прикоснуться к этому человеку! За ним! За ним! Поднимите перчатку и догоните его! Ваше святейшество, ваш прямой долг, ваша священная обязанность — мирить государей... Поднимите же перчатку и постарайтесь вразумить графа Кревкера. Нам не нужна война. Война — это бедствие.

Кардинал поднимает перчатку и выходит из зала, чтобы исполнить приказание короля.

А всё-таки какой он отважный и верный, это Кревкер. Хотел бы я знать, где мне найти такого же верного посла, чтобы отвезти мой ответ?

ДЮНУА. Вы несправедливы к французскому дворянству, государь.

КОРОЛЬ. Я не хочу давать волю вашей безумной отваге, которая из-за какого-нибудь пустого вопроса рыцарской чести готова погубить вас самих, французский престол и всю страну. Все вы знаете, как дорог сейчас каждый час мира, чтобы залечить раны нашей истерзанной страны, а между тем каждый из вас готов очертя голову ринуться в бой из-за какой-нибудь выдумки бродячего цыгана или из-за бежавшей красавицы, которая, быть может, стоит немногим больше его...

Заходит Кардинал.

Ну что, ваше святейшество, удалось вам вразумить этого взбалмошного графа?

КАРДИНАЛ. Государь, вы задали мне нелёгкую задачу. В ту минуту, когда я подошел к нему, граф уже занёс ногу в стремя, чтобы сесть на коня... Только двадцать четыре часа, государь, за это время он готов взять обратно свой вызов. Он остановился в гостинице «Лилия».

КОРОЛЬ. Позаботьтесь о достойном приёме за наш счет. Двадцать четыре часа? Не много времени! Но что же — на охоту! В лес, в лес, господа! Любезный родич герцог Орлеанский, отбросьте вашу скромность, хотя она вам очень к лицу, и не обращайтесь на застенчивость Жанны. Скорее Луара перестанет сливаться с Шером, чем Жанна откажется от вашей привязанности, а вы — от её. На коней, на коней!

5.

Квентин – часовой в галерее при дворце короля. Прогуливаясь в галерее, встречаются Жанна, Амелина и Изабелла.

АМЕЛИНА. Я очень рада, сударыня, что нам разрешено быть в обществе такой достойной дамы, какой вы кажетесь. До сих пор, надо сознаться, мы с племянницей не могли похвастать особенным радушием короля Людовика по отношению к нам... Что ты, моя милая? Нечего дергать меня за рукав: я вижу по глазам этой молодой особы, что она сочувствует нашему положению. Верите ли, сударыня, с тех пор как мы здесь, с нами обходятся не лучше чем с пленницами! После всех настоятельных приглашений и советов ввериться покровительству Франции король сначала поместил нас в какой-то дрянной гостинице, как крестьянок, а теперь отвёл нам угол в этой старой руине. И не разрешает выходить.

ЖАННА. Очень сожалею, что мы не могли вас принять соответственно вашему достоинству. Надеюсь по крайней мере, что ваша племянница чувствует себя здесь не так плохо?

ИЗАБЕЛЛА. Гораздо, гораздо лучше, чем могу выразить! Затворничество и уединённая жизнь увеличивают в моих глазах милость, которую оказывает король нам, бедным беглянкам...

АМЕЛИНА. Замолчи, Изабелла! Дай мне отвести душу, благо мы здесь наедине с этой молодой особой. Я говорю «наедине», потому что этот молоденький красавец-часовой вряд ли владеет языком, по крайней мере нашим, цивилизованным языком... Ну так вот, я ожидала великолепного приема, турниров, каруселей, зрелищ и празднеств, а вместо того попала чуть ли не в тюрьму! Вместо блестящего общества король познакомил нас с каким-то бродягой-цыганом, через которого мы должны вести переписку с друзьями во Фландрии... Герцог Бургундский не был так жесток. Он всё-таки предлагал моей племяннице мужа, хоть и очень плохого.

ЖАННА. По-моему, уж лучше постричься в монахини, чем выйти за злодея.

АМЕЛИНА. Во всяком случае, не мешало бы дать нам возможность выбирать, сударыня! Видит бог, что если я о чём и хлопочу, так только о племяннице. Сама я давно уже оставила всякую мысль о замужестве. Однако это ничуть не извиняет короля. Все его поступки, да, впрочем, и сам он, напоминают скорее старика Мишо, гентского менялу, чем преемника Карла Великого.

ЖАННА. Замолчите! Помните, что вы говорите о моём отце.

АМЕЛИНА. О вашем отце?!

ЖАННА. Да, о моём отце. Я — Жанна Французская. Но не пугайтесь, сударыня, вы не хотели меня оскорбить, я не сержусь. Располагайте мной. Я сделаю всё, чтобы облегчить вам изгнание. К сожалению, я могу сделать очень немного, но предлагаю свои услуги от чистого сердца.

АМЕЛИНА. Извините, ради бога, извините моё невежество, ваше высочество, я...

ЖАННА. Не нужно, это недоразумение и нечего говорить об этом. Пожалуйста, давайте присядем здесь и продолжим беседу. Как вам здешняя природа?

АМЕЛИНА. Здешняя природа такая же великолепная, как ваше высочество. Пышность леса, глубина озёр – всё это напоминает вашу красоту.

ЖАННА. Вы преувеличиваете, мне кажется. *(Изабелле)* А как вам здешний климат, сударыня?

ИЗАБЕЛЛА. С климатом всё хорошо. Главное, что климат безопасный. За это я благодарна королю.

Входит Орлеанский, весь закутанный в длинный плащ с капюшоном.

КВЕНТИН. Стойте! Вам следует удалиться из этой галереи.

ОРЛЕАНСКИЙ. По чьему приказанию?

КВЕНТИН. По приказу короля, для исполнения которого я здесь поставлен.

ОРЛЕАНСКИЙ *(снимает плащ)*. Этот приказ не может относиться к Людовику Орлеанскому. *(Жанне)* Я обедал с Дюнуа, и, услышав, что в Роландовой галерее собралось общество, взял на себя смелость присоединиться к нему.

ЖАННА. Познакомьтесь, граф: графиня Изабелла де Круа, графиня Амелина де Круа. Герцог Людовик Орлеанский. Присоединяйтесь к нашей беседе.

ОРЛЕАНСКИЙ. В таком прелестном обществе я не могу позволить себе сесть в кресло, сяду у ваших ног.

Орлеанский берет подушку со стула и садится на полу возле Изабеллы.

(Изабелле) Кажется, я оказался в лучшем месте на земле – у ваших ног, графиня. Всё же, бургундские дамы – это дар небес. Их красота столь изысканна – эта форма носа, подбородка, руки... У меня сердце выскакивает из груди, как будто я смотрю на изображение девы Марии, как на нечто божественное. Простите меня, графиня, мы пили вино с Дюнуа, вино превосходное, кстати, но тут...

ИЗАБЕЛЛА. А мы говорим о погоде. Её высочество принцесса Жанна как раз заметила, что погода нынче излишне возбуждает. Всё дело в активном солнце, полагаю. *(Жанне)* Но вам, ваше высочество, очень идёт такое освещение.

ОРЛЕАНСКИЙ *(Изабелле)*. А как идёт оно вам, графиня! Если бы я был художник, я бы не смог удержаться, чтобы не написать шедевр – ваш портрет. Всё же дамы Бургундии – совсем не то, что француженки, теперь я это понимаю. Эта прозрачность и яркость, достойная самых экзотических и нежных цветов...

ИЗАБЕЛЛА. Первая милость, о которой я буду просить её высочество — это помочь убедить вас, герцог, что, если бургундские дамы и уступают француженкам в уме и грации, они, во всяком случае, не так глупы, чтобы находить удовольствие в разговоре, полном преувеличенных комплиментов.

ОРЛЕАНСКИЙ. Очень сожалею, графиня, что вашим приговором вы разом отвергаете и красоту бургундских дам, и чистосердечие французских рыцарей. Если мы, французы, слишком скоры и неумеренны в изъявлениях нашего восторга, то это потому, что в любви – как в сражении. Не позволяем холодным рассуждениям сдерживать наши чувства и с такой же легкостью склоняемся перед красотой, с какой побеждаем храбрых.

ИЗАБЕЛЛА. Красота моих соотечественниц не претендует на такие победы, а бургундских рыцарей вам не так легко победить.

ОРЛЕАНСКИЙ. Преклоняюсь перед вашим патриотизмом, графиня, и не стану оспаривать вторую половину вашего возражения, пока не явится какой-нибудь бургундский рыцарь. Но что касается красоты дам Бургундии, то вы несправедливы, графиня, и лучшее тому доказательство — вы сами.

АМЕЛИНА (*Жанне*). Что с вами? Вам нехорошо?

ЖАННА. Да, мне что-то нехорошо, голова заболела, не беспокойтесь, это пройдет.

АМЕЛИНА. Герцог, нужно позвать кого-нибудь на помощь! Бедняжка совсем побледнела.

ОРЛЕАНСКИЙ. Что с вами, Жанна? Вы опять туго затянули корсет? Ну же, очнитесь!

ИЗАБЕЛЛА. Ваше высочество! Ах, герцог, не машите вы руками, лучше позовите кого-нибудь!

Входит Король.

КОРОЛЬ. Как, и вы здесь, любезный кузен? (*Квентину*). Так-то ты исполняешь мои приказания?

ОРЛЕАНСКИЙ. Простите его, ваше величество, он исполнил свой долг. Но я узнал, что принцесса здесь, в галерее, и...

КОРОЛЬ. И вы сумели преодолеть все преграды, потому что вас окрыляла любовь. Жанне нездоровится? Ну ничего, Луи, не огорчайтесь: она скоро поправится. Дайте ей руку и проводите в покои, а я провожу этих дам.

Все расходятся. Король возвращается.

Ты виноват. Ты очень виноват и заслуживаешь смерти... Молчи! Не оправдывайся! Какое тебе дело до герцогов и принцесс? Ты должен знать только мои приказания.

КВЕНТИН. Но что же мне было делать, ваше величество?

КОРОЛЬ. Что делать! И это спрашиваешь ты — часовой? Ты должен был приставить ружьё к груди дерзкого ослушника и, если б он отказался уйти, уложить его на месте. Тебя следовало бы казнить. Но я попросил своего астролога Галеотти составить твой гороскоп. И что я узнал?

КВЕНТИН. Что?

КОРОЛЬ. Твоя маленькая судьба управляется теми же созвездиями, что и моя. Но это ещё не всё. Знай же, что на днях я молился святому Юлиану. Это очень хороший святой, я проверял не раз. Я молился и просил помощь в государственных делах. Закрываю глаза — и сам блаженный Юлиан является ко мне! Он держал за руку юношу. Подвел его ко мне и говорит: этому юноше суждено спастись от меча, от воды и петли. Он принесёт счастье всякому делу и предприятию. Наутро я вышел гулять и встретил юношу, которого видел во сне. У себя на родине он спасся от меча, а здесь чудом спасся от воды и от петли. Этот юноша ты. Ступай в казарму с богом.

6.

Оливье бреет Короля в его покоях.

КОРОЛЬ. Итак, Оливье, все твои прекрасные планы тают, как снег от южного ветра! Об одном молю теперь пречистую деву Эмбренскую: чтобы они не обрушились нам на голову, как те снежные лавины, о которых швейцарцы рассказывают столько чудес.

ОЛИВЬЕ. С прискорбием узнал я, государь, что дела идут не совсем хорошо.

КОРОЛЬ. Не совсем хорошо?! Так плохо, что хуже и быть не может! А всё твои романтические советы! Где уж мне покровительствовать угнетённым красавицам! Вот теперь Бургундия готова поднять против нас оружие и заключить союз с Англией. И, разумеется, английский король, которому сейчас нечего делать у себя дома, не преминет наводнить Францию своими войсками через эти злополучные ворота — Кале. Каждого порознь я, может быть, еще сумел бы вразумить или одолеть, но когда они соединятся... И всё это по твоей вине, Оливье, из-за твоего дурацкого совета принять этих дам и послать проклятого цыгана с поручениями!

ОЛИВЬЕ. Но, государь, вам известны мои основания. Владения графини лежат на границе Бургундии и Фландрии, замок её почти неприступен.

КОРОЛЬ. Если бы мы только получше спрятали этих де Круа! Проклятый цыган! Как мог ты доверить такое важное дело неверной собаке, поганому язычнику?

ОЛИВЬЕ. Прошу вас вспомнить, ваше величество, что вы сами доверились ему гораздо больше, чем я советовал. Зачем вы исповедались ему?

КОРОЛЬ. Он прикинулся пророком! Надо же это было проверить!

ОЛИВЬЕ. Он — плохой пророк, раз не увидел, что его скоро повесят.

КОРОЛЬ. Мир праху его. Но эти дамы... Пока они здесь — мы ежеминутно рискуем попасть в войну с Бургундией. Да и мой простодушный кузен Орлеанский... Он уже облизывается как кот, ты бы видел его! Бедная моя Жанна.

ОЛИВЬЕ. Так какие сомнения?

КОРОЛЬ. Если я отошлю этих дам в Бургундию, то потеряю удобный случай посадить друга Франции и врага Бургундии в самом центре владений герцога. Изабеллу нужно выдать за кого-то из наших.

ОЛИВЬЕ. Из каких наших?

КОРОЛЬ. Выдай я её за одного из наших мятежных дворян, разве это не усилит его? А к чему клонится вся моя политика? Нет, сильные дворяне мне не нужны. Разве только Дюнуа... Ему — только ему одному — я ещё мог бы верить. Он всегда будет сражаться за французский престол. Но нет, богатства и почести меняют человека.

ОЛИВЬЕ. Ваше величество могли бы найти человека, полностью зависящего от вашего расположения и ваших милостей; человека, которому ваша поддержка была бы так же необходима, как солнце и воздух; человека, более способного мыслить, чем действовать, человека, который...

КОРОЛЬ. Ну нет, Оливье, ты залетел уж слишком высоко! Как! Только потому, что я оказываю тебе доверие, что в благодарность за твои услуги позволяю тебе иной раз пограбить того или другого из моих вассалов? Она такая красавица, да ещё и графиня в придачу. А ты кто? Цирюльник!

ОЛИВЬЕ. У меня и в мыслях не было.

КОРОЛЬ. Очень рад это слышать, мой друг. Положение безвыходное. Я не могу отослать её ни в Англию, ни в Германию: она достанется человеку, который будет более склонен к союзу с Бургундией, чем с Францией. Да ещё примется, чего доброго, усмирять Гент и Льеж. А ведь они совсем готовы к восстанию, особенно Льеж! Мы столько над этим работали!

ОЛИВЬЕ. Невозможно найти для графини де Круа такого мужа, который отвечал бы всем вашим требованиям — слишком уж их много. Он должен быть другом вашего величества и врагом Бургундии, должен расположить к себе жителей Гента и Льежа. И защищать свои небольшие владения от герцога Карла. И быть знатного рода.

КОРОЛЬ. А что ты скажешь, например, о Гийоме де ла Марке?

ОЛИВЬЕ. Арденнский вепрь? Ха! Прекрасный кандидат — разбойник и убийца! Сам папа отлучил его от церкви!

КОРОЛЬ. Мы выхлопочем ему отпущение, Оливье, святая церковь милосердна. У Вепря отличная шайка головорезов — не зря же я вложил столько в это дело! Прекрасный сосед для моего кузена Карла! Ему недостаёт только земель. И тогда посмотрим, будет ли наш любезный Карл думать о войне с Францией и не придется ли ему благословлять свою звезду, если Франция не объявит войну сама.

ОЛИВЬЕ. Этот ваш Гийом знатного происхождения — верно, но по манерам, по наружности да и по натуре он настоящий фламандский мясник... Нет, она никогда не согласится на этот брак.

КОРОЛЬ. У неё не будет другого выбора. Но мне надо посоветоваться с астрологом.

7.

КОРОЛЬ. Вы заняты, отец мой.

АСТРОЛОГ. Я изучаю способ распространения рукописей посредством машин.

КОРОЛЬ. Могут ли такие низменные вещи занимать мысли человека, перед которым само небо развернуло свои письмена?

АСТРОЛОГ. Брат мой, верьте мне, что это великое изобретение, я вижу ясно по звёздам. Знания будут орошать нас непрерывным благодатным дождем.

КОРОЛЬ. Это произойдёт в наше время?

АСТРОЛОГ. Нет.

КОРОЛЬ. Ну и слава богу. Скажи, окончил ли ты тот гороскоп?

АСТРОЛОГ. Всё обещает, что юноша будет отважен и счастлив.

КОРОЛЬ. И не предаст?

АСТРОЛОГ. И не предаст.

КОРОЛЬ. Я хочу в ближайшее время послать его в путешествие. Будет ли оно благоприятно?

АСТРОЛОГ. Тому, кто ее посылает, оно действительно предвещает успех. Но кровавая окраска Сатурна грозит опасностью и бедой тем, кто будет послан. Из этого я заключаю, что путешествие может быть не только опасно, но даже губительно для юноши. Мне кажется, такое неблагоприятное сочетание светил предвещает плен и насилие.

КОРОЛЬ. Успех тому, кто пошлёт. Это прекрасно. Но у меня к тебе есть ещё один очень важный вопрос. Выслушай меня внимательно. Я даже записал. (*читает*) Лицо, ведущее весьма важный спор, который может быть решен судом или силой оружия, желало бы прекратить его, вступив в личные переговоры со своим противником. Лицо это хочет знать, какой день будет самым благоприятным для выполнения задуманного им плана? И увенчается ли успехом это предприятие?

АСТРОЛОГ. Важный вопрос. Он потребует точных астрологических исследований и серьёзного размышления.

КОРОЛЬ. Постарайся же ответить мне на него, мой мудрый учитель, и ты узнаешь, что значит оказать услугу королю Франции. Прими нашу скудную лепту на пополнение твоей редкостной библиотеки.

Король кладёт под один из объемистых томов маленький золотой кошелек и уходит.

АСТРОЛОГ (*пересчитывая деньги из кошелька*). Скупердьяй!

7.

Квентин с солдатами и Цыганом сопровождает карету, в которой Изабелла и Амелина.

КВЕНТИН. Ты явился сюда за нами? С какой целью?

ЦЫГАН. Чтобы проводить вас к епископу Льежскому в замок Шонвальд.

КВЕНТИН. Как же ты можешь доказать, что ты действительно тот, кого мы должны встретить?

ЦЫГАН (*поёт*). Вепря паж убил, славу лорд добыл.

КВЕНТИН. Да, правильный пароль. Кто ты?

ЦЫГАН. Я — зингаро, цыган, египтянин или как там угодно европейцам на разных языках величать наше племя.

КВЕНТИН. Ты христианин?

ЦЫГАН. Нет.

КВЕНТИН. Собака! Значит, ты поклоняешься Магомету?

ЦЫГАН. Нет. У меня нет религии.

КВЕНТИН. Где ты живёшь?

ЦЫГАН. Нигде. У меня нет жилья.

КВЕНТИН. Где же ты хранишь свое имущество?

ЦЫГАН. Кроме платья, что на мне, да этого коня, у меня нет никакого имущества.

КВЕНТИН. А семья?

ЦЫГАН. Нет семьи.

КВЕНТИН. Кто твой начальник?

ЦЫГАН. Старший в роде, если я захочу его признать, а не захочу — живу без начальства.

КВЕНТИН. Нет начальства, нет жилья, нет религии. Как же ты живёшь?

ЦЫГАН. Я ни перед кем не гну спину и никого не признаю. Иду куда хочу, живу как могу и умру, когда настанет мой час.

КВЕНТИН. Как тебя зовут?

ЦЫГАН. Хайраддин Мограбин.

КВЕНТИН. Ты так хорошо говоришь на нашем языке.

ЦЫГАН. Моих родителей убили охотники за человеческим мясом — королевские палачи. Меня воспитал священник.

КВЕНТИН. И что он говорит по поводу твоих занятий?

ЦЫГАН. Я украл у него деньги и бога, которому он поклонялся. Он меня поймал и прибил. Тогда я зарезал его, убежал в лес и снова соединился с моим народом.

КВЕНТИН. Негодяй! Как ты мог убить своего благодетеля?

ЦЫГАН. Цыганский мальчик — не комнатная собачка.

КВЕНТИН. Однако помни: твоя жизнь в моих руках.

ЦЫГАН. Я не боюсь смерти. Но вы можете не волноваться: я вам обязан.

КВЕНТИН. Обязан мне? Чем?

ЦЫГАН. Тот человек, чей труп вы вынули из петли, был мой брат. Замет Мограбин.

КВЕНТИН. И ты входишь в сделки с убийцами брата! Ведь это один из них сообщил нам, где мы встретим тебя, и он же взял тебя в проводники.

ЦЫГАН. Что поделаешь! Эти люди обращаются с нами, как овчарки со своим стадом: сперва они нас охраняют, гоняют взад-вперед, куда им вздумается, а в конце концов пригонят на бойню.

АМЕЛИНА. Стрелок! Эй, стрелок!

Квентин подъезжает к карете с Амелиной и Изабеллой.

Как вас зовут?

КВЕНТИН. Квентин Дорвард.

АМЕЛИНА. Хорошо ли вы знаете дорогу?

КВЕНТИН. Не могу утверждать, что хорошо, но у меня есть подробные инструкции и вот этот проводник.

АМЕЛИНА. А почему именно на вас, молодой человек, возложили такую важную обязанность? Вы слишком молоды и неопытны, да ещё, судя по выговору, иностранец?

КВЕНТИН. Моя обязанность — исполнять приказания короля, графиня, а не рассуждать.

ИЗАБЕЛЛА. Не вас ли я видела в гостинице, когда король посылал за мной?

КВЕНТИН. Да, графиня. И ещё я слышал, как вы играли на лютне, там, в той гостинице. Это были вы?

ИЗАБЕЛЛА. Да, я играла там. В общем, милая тётушка, нам нечего бояться под охраной этого молодого дворянина. Он не похож на негодяя.

КВЕНТИН. Клянусь честью моего дома и прахом предков, я никогда, даже за Францию и Шотландию вместе, не согласился бы навредить вам.

АМЕЛИНА. Хорошо сказано, молодой человек, но мы с племянницей уже привыкли к прекрасным речам Людовика и его приближенных. Эти-то речи и заставили нас искать убежища у него, тогда как мы могли бы с гораздо меньшим риском найти его у Венцеслава Германского, или у Эдуарда Английского. И к чему же в конце концов привели все эти прекрасные обещания? Нам пришлось одеваться, стоя на голом полу, как каким-нибудь молочницам!

ИЗАБЕЛЛА. Хорошо бы, если б этим ограничились все наши несчастья. Я не хочу и, видит бог, никогда не хотела быть причиной войны между Францией и Бургундией, моей родиной. Я не хотела бы, чтоб из-за меня погиб хоть один человек. Я только просила, чтобы мне разрешили удалиться в монастырь Мармутье или в какую-нибудь другую святую обитель.

АМЕЛИНА. Ты говоришь, как глупое дитя, а не как достойная дочь моего благородного брата. Как же отличили бы женщину знатного происхождения от какой-нибудь загорелой молочницы, если бы за одну из них не ломали копий? Знаешь ли ты, милочка, что в моей ранней молодости, в мою честь был дан знаменитый Хафлингемский турнир? Вызывающих было четверо, а на вызов ответили двенадцать человек. Турнир длился три дня и стоил жизни двум храбрым рыцарям. Кроме того, были перебиты один хребет, одна ключица и сломано три ноги и две руки, не считая лёгких ран и контузий, о которых герольды даже не упоминали! Вот в каком почёте были дамы нашей семьи! Нет, милочка, будь в тебе хоть половина гордости твоих предков, ты бы нашла средство устроить при каком-нибудь дворе турнир, призом которого была бы твоя рука. Так было с твоей покойной прабабушкой - известный турнир в Страсбурге. Таким образом, ты бы могла заручиться помощью храбрейшего в Европе рыцаря, который защищал бы права дома де Круа против притеснений Бургундии и интриг Франции.

ИЗАБЕЛЛА. Однако, милая тётушка, хотя рыцарь, победивший на этом турнире, и получил руку моей покойной прабабушки, брак их не был счастливым. Прадедушка часто бранил, а иногда даже бил прабабушку.

АМЕЛИНА. Я бы в тысячу раз охотнее согласилась, чтобы меня хоть по два раза в день колотил доблестный супруг, который был бы для всех такой же грозой, как и для меня, чем быть подругой труса!

ИЗАБЕЛЛА. А кто это скачет за нами?

АМЕЛИНА. Боже мой! За нами погоня!

КВЕНТИН. Поезжайте вперед. Не слишком быстро, чтобы это не было похоже на бегство. Я задержу этих людей.

Подъезжают Орлеанский и Дюнуа – но их лица скрыты под забралами.

ОРЛЕАНСКИЙ. Дорогу, дорогу, господин стрелок! Мы хотим освободить вас от обязанностей, которые выше вашего звания и положения. Предоставьте этих дам нашему попечению.

КВЕНТИН. Я исполняю приказание моего государя. И дамы сами желают оставаться под моим покровительством.

ОРЛЕАНСКИЙ. Прочь, бездельник! Уж не хочешь ли ты, бездомный бродяга, сопротивляться двум воинам, посвящённым в рыцарский сан?

КВЕНТИН. Обнажайте мечи или освободите место для боя, если хотите сразиться на копьях!

Квентин и его солдат сражаются на копьях с Дюнуа и Орлеанским. Солдат убит. Квентин сбил Орлеанского с коня и подбежал к нему, чтобы снять с него шлем.

ДЮНУА. Именем бога и святого Мартина заклинаю тебя, приятель, садись на коня и уезжай со своими спутницами!

КВЕНТИН. С вашего позволения, господин рыцарь, я сперва посмотрю, с кем имел дело, чтобы знать, кто должен мне ответить за смерть товарища.

ДЮНУА. Ну, этого ты никогда не узнаешь! Ступай, ступай себе с миром, друг любезный!

Квентин достаёт меч и они сражаются на мечах. Дюнуа рассекает напополам его шлем. Квентин всё равно продолжает драться.

ДЮНУА. Приятель, нам нет причины сражаться! Давай разойдёмся с миром! Нет, кажется, сам чёрт вселился в этого упрямого дурака!

Подъезжает Меченый со стрелками.

МЕЧЕНЫЙ. Остановитесь, именем короля!

ДЮНУА. Я сдаюсь... Но выслушайте, что я вам скажу... Наклонитесь, я шепну вам на ухо: ради бога, спасите герцога Орлеанского!

МЕЧЕНЫЙ. Что? Как? Так это герцог?

ДЮНУА. Не спрашивайте, во всем виноват я один. Смотрите, кажется, он приходит в себя... Я хотел похитить графиню, жениться на ней и стать богачом, и вот что из этого вышло. Герцог поехал со мной только из-за нашей дружбы.

МЕЧЕНЫЙ. В это невозможно поверить.

ОРЛЕАНСКИЙ. Не он, а я увлёк Дюнуа в это безрассудное предприятие, которое мне внушила безумная страсть. Смотрите на меня! Я Людовик Орлеанский и готов дать ответ за свой нелепый поступок. Надеюсь, гнев короля падёт на одного меня, что будет только справедливо! Но так как принц крови не должен отдавать свое оружие никому, то прощай же, мой верный меч!

Орлеанский вынимает меч из ножен и швыряет его в озеро.

ДЮНУА. Интересно, нас повесят, удавят, бросят в Луару, заколют кинжалом, колесуют, посадят в железную клетку или закопают живьем?

МЕЧЕНЬИЙ. Однако, Дюнуа, я должен просить вас и герцога Орлеанского сесть на коней и следовать за мной. У меня предписание доставить вас в одно место, куда бы мне вовсе не хотелось вас сопровождать.

Меченый, Орлеанский и Дюнуа уезжают.

АМЕЛИНА. Кажется, вы сожалеете, господин стрелок, о победе, которую одержали, защищая нас?

КВЕНТИН. Если бы дело шло не о вашей безопасности, я бы, кажется, охотнее согласился пасть от руки такого славного воина, как Дюнуа, чем быть причиной заточения в ужасную крепость этого знаменитого рыцаря и его несчастного родственника, герцога Орлеанского.

АМЕЛИНА. Так это был герцог Орлеанский? (*Изабелле*) Вот видишь, это был он! Я так и думала, хотя издали не могла его хорошенько рассмотреть. Теперь ты убедилась, моя милая, что могло бы из всего этого выйти, если бы злой старый скряга-король позволил нам показываться при его дворе. Первый принц крови и доблестный Дюнуа, чье имя пользуется такой же известностью, как и имя его героя-отца! Этот молодой шотландец прекрасно исполнил свой долг, надо отдать ему справедливость, но, право, мне почти жаль, что он не пал с честью: его неуместная храбрость лишила нас двух таких знатных спасителей!

ИЗАБЕЛЛА. Мадам, разве не ясно, что с прибытием королевской гвардии мы разделили бы участь нападавших? Я, со своей стороны, горько оплакиваю погибшего храбреца, нашего защитника, и непременно закажу обедню за упокой его души. (*Квентину*) Надеюсь, вы не откажетесь принять мою сердечную признательность. Пресвятая дева, он ранен! У него кровь!

КВЕНТИН. Не беспокойтесь, это лишь царапина.

ИЗАБЕЛЛА. Сойдите с коня, сударь, мы перевяжем вам рану. Тётя, у вас же есть с собой лекарства, доставайте!

Изабелла перевязывает рану Квентина своим платком.

Вы какой-то молчаливый.

АМЕЛИНА. Это оттого, что он потерял много крови.

ИЗАБЕЛЛЕ. Ну же, успокойте нас.

КВЕНТИН. Со мной всё хорошо.

ИЗАБЕЛЛА. Благодарю святую деву, что вы остались живы. Мы ещё выпьем за это, обещаю. Если нам когда-нибудь придется посетить вместе мой старинный Бракемонтский замок, я предложу вам чашу такого вина, какого никогда не производили виноградники Гохгейма и Иоганнисберга.

КВЕНТИН. Даже стакан воды из ваших рук, графиня...

АМЕЛИНА. Племянница дала вам платок, чтобы перевязать вашу рану, а я даю вам другой в награду за вашу отвагу и в поощрение к дальнейшим рыцарским подвигам. Он расшит серебром, видите. Голубой с серебром – мои цвета.

КВЕНТИН. Благодарю вас, графиня.

АМЕЛИНА. Его надо повязать на руку, сударь.

КВЕНТИН. Да-да, конечно.

ИЗАБЕЛЛА. Ах, мы засыпали вас платками.

КВЕНТИН (*Изабелле*). Я чувствую, как заживает рана под вашим платком.

8.

Квентин в монастыре, завтракает с настоятелем.

НАСТОЯТЕЛЬ. Так из каких мест ты, сын мой?

КВЕНТИН. Глен-хуакин.

НАСТОЯТЕЛЬ. А я, наверное, был немного западнее. Шотландия! Я скучаю по этим горам, по диким этим местам.

КВЕНТИН. Всё хорошо, но люди... Война.

НАСТОЯТЕЛЬ. Война. Господь велел нам жить в мире, но разве мы слушаем? Ты ешь, ешь.

КВЕНТИН. Что-то нет аппетита.

НАСТОЯТЕЛЬ. Понимаю, сын мой. С такими хлопотами и заботами и сон потеряешь, и аппетит. Хорошо, хоть, твоего чумазого цыгана удалось прогнать. Сатана, настоящий сатана.

КВЕНТИН. Мы уже совсем рядом с Льежем. Расскажите, что там происходит.

НАСТОЯТЕЛЬ. Льеж – хороший город, богатый. Но жители совсем загордились. Сколько раз спорили с герцогом Карлом, своим законным господином, по поводу разных льгот и налогов. Бывали и восстания. Герцог, человек горячий и вспыльчивый, уже выведен из терпения, он поклялся святым Георгием, что при первом же новом бунте сотрёт их в порошок.

КВЕНТИН. А епископ Льежский?

НАСТОЯТЕЛЬ. Это очень добрый, порядочный человек. Он денно и ночью молится о сохранении мира.

КВЕНТИН. Значит, всё будет хорошо. И дамы, которых я везу, будут в безопасности у епископа.

НАСТОЯТЕЛЬ. Но есть тут у нас один дворянин. Его зовут Гийом де ла Марк...

КВЕНТИН. По прозвищу Арденнский дикий вепрь.

НАСТОЯТЕЛЬ. Да, это он. Живет грабежом и насилием, нападает даже на духовных лиц и на мирян. Даже нашей смиренной обители он предъявил требование прислать ему серебра и золота. На это мы ответили ему латинским посланием, объясняя, что мы не в состоянии исполнить подобное требование, и увещевая его словами проповедника: «*Ne moliaris amico tuo malum, cum habet in te fiduciam*». Но делать нечего, пришлось расплавить серебряные сосуды нашего алтаря. А так бы он нас убил.

КВЕНТИН. Я только дивлюсь одному: как могущественный герцог Бургундский не усмирил этого зверя?

НАСТОЯТЕЛЬ. Увы, сын мой, герцог Карл в настоящее время в Перонне, собрал начальников своих войск, чтобы объявить войну Франции. Мы на пороге большой войны, и нет ей конца. Так что герцогу не до Вепря. Но всё-таки скажу: напрасно он не принимает решительных мер – разбойник вошёл уже в

открытые сношения с Павийоном. Павийон – это вожак недовольных жителей Льежа.

КВЕНТИН. Но разве у епископа Льежского не хватит власти, чтобы подавить мятеж, отец мой?

НАСТОЯТЕЛЬ. Что или кто в этом жестоком мире может считать себя в безопасности? Но сохрани меня бог сомневаться... Епископ богат, у него много верных советников и прекрасное, храброе войско. И гонец вчера сказал, что герцог Бургундский, по просьбе епископа, выслал ему сотню копейщиков.

КВЕНТИН. Это очень хорошо. Значит, мы можем ехать туда.

НАСТОЯТЕЛЬ. Так почему ты такой грустный, сын мой?

КВЕНТИН. Мне страшно.

НАСТОЯТЕЛЬ. Страшно? Чего же ты боишься?

КВЕНТИН. Могу ли я попросить вас, чтобы этот разговор остался между нами? Что-то вроде исповеди.

НАСТОЯТЕЛЬ. Конечно, сын мой. Никто ничего не узнает.

КВЕНТИН. Это связано с моим цыганом.

НАСТОЯТЕЛЬ. Он какой-то слуга дьявола, а не человек.

КВЕНТИН. С самого начала путешествия я никак не мог поверить ему до конца. У меня было такое чувство... В общем, я понимал, как мы все от него зависим. И всю дорогу не спускал с него глаз. Это было очень трудно устроить: почти во всех святых обителях, где мы останавливались, на него смотрели как на язычника, бродягу, колдуна. И пускали его не дальше наружной монастырской ограды, да и то с большим трудом. А мне нужно было наблюдать за ним, поэтому я упрашивал пустить его. Но он при этом вёл себя странно. Вместо того, чтобы смиренно сидеть, он выкидывал разные штуки, распевал песни и пускался в веселые разговоры с послушниками и младшей братией. Конечно, старшие монахи возмущались его неприличным поведением. Я говорил ему, кричал, угрожал. А монахов упрашивал не выгонять его. На десятый или двенадцатый день пути, когда мы уже вошли во Фландрию, произошёл скандал, его выгнали. И вот вчера снова.

НАСТОЯТЕЛЬ. И правильно сделали. Что он вчера устроил! Он подлил нам какое-то зелье! Он хотел нас отравить!

КВЕНТИН. Думаю, не отравить, а сделать пьяными.

НАСТОЯТЕЛЬ. Он распевал непристойные песни, смеялся над святым Франциском! А что он предсказал молодому отцу Керубино, ты слышал?

КВЕНТИН. Нет.

НАСТОЯТЕЛЬ. Он предсказал, что какая-то красивая дама полюбит его и сделает отцом чудесного мальчика.

КВЕНТИН. Какой ужас!

НАСТОЯТЕЛЬ. Да. И теперь половина братии из-за него избита хлыстами.

КВЕНТИН. Но они сами исхлестали друг друга, будем честными.

НАСТОЯТЕЛЬ. Так ведь они хотели выгнать хлыстами его, я приказал им. Но этот бес такой изворотливый, точно гонец сатаны.

КВЕНТИН. Он убежал. А ведь только вчера утром он клялся мне, что всё будет благопристойно. И у меня появилась мысль, что это всё неслучайно. Что он нарочно хотел вырваться из монастыря и для этого устроил такое. Вчера я

решил проследить за ним. Вы уже легли спать, а я побежал за ним. Он мчался как ветер, его хорошо было видно при свете луны. Я не отставал. Он бежал все время в одну сторону и ни разу не оглянулся назад. Наконец, остановился на берегу ручья и едва слышно протрубил в рог.

НАСТОЯТЕЛЬ. Протрубил в рог?

КВЕНТИН. Да. В ответ кто-то свистнул. Конечно, мне надо было послушать, о чём они будут говорить – цыган и тот, кто свистел. Но они могли меня услышать. Я спустился в русло ручья и пошёл по колено в воде, ивы на берегу меня скрывали. И подошёл очень близко. Мой маленький цыган разговаривал с высоким человеком. На широкой перевязи через плечо у того человека висел огромный меч. А на правом рукаве была серебряная голова вепря.

НАСТОЯТЕЛЬ. Вепря! Святая дева!

КВЕНТИН. Он спросил: где ты пропадал три ночи? «Я не мог раньше, сударь, - ответил цыган, - С нами едет молодой шотландец, у которого глаза как у дикой кошки. Он следит за каждым моим движением». Тогда высокий говорит: «Мы нападём на них завтра утром». А Цыган: «Драка - не моё ремесло, а шотландец чуть не уложил самого Дюнуа. Так что сделайте засаду у креста Трёх Царей. А нет – так я доведу их до епископа, а оттуда пусть ваш Гийом де ла Марк их сам добывает».

НАСТОЯТЕЛЬ. Я так и знал, что этот разбойник тут замешан!

КВЕНТИН. «Добудем богатую невесту нашему Вепрю и все станем тогда князьями и герцогами. У нас будут и свои винные погреба и много французского золота, а может быть, и красотки в придачу — те, что наскучат самому Бородатому». «Итак, решено: засада у креста Трёх Царей?» — спросил цыган. И говорит: «Только чтобы ни один волосок не упал с головы шотландца. Если вы поклянетесь мне в этом вашими тремя кельнскими мертвецами, я поклянусь семью ночными призраками, что буду служить вам в этом деле верой и правдой. И помните: если нарушите клятву, семь призраков станут будить вас на рассвете семь ночей кряду, а на восьмую задушат и сожрут».

НАСТОЯТЕЛЬ. Страсть господня.

КВЕНТИН. «А если твой шотландец поедет по другому берегу Мааса?» - спросил высокий. «Он доверяет мне в том, что касается маршрута. Он доверяет тому, кто назначил меня в проводники, ха-ха!» И тут я подумал: ведь его назначил, скорее всего, сам король.

НАСТОЯТЕЛЬ. Король?

КВЕНТИН. Да. Значит, король меня предал?

НАСТОЯТЕЛЬ. Не знаю, что тебе сказать, сын мой. Это политика. Политика – дело рук дьявола.

КВЕНТИН. Я хотел убить цыгана. Но потом передумал. И сейчас мы едем. Мы поедем другим берегом, не тем, где засада.

НАСТОЯТЕЛЬ. Я буду молиться за вас, сын мой. Господь защитит своих избранных.

Льеж. Квентин гуляет по улицам города, привлекая внимание жителей города. Постепенно за ним скапливается толпа.

КВЕНТИН. Вот вы за мной идёте, сударь, уже давно, от самой церкви. Я ещё на обедне вас заметил. И вот вы идёте и идёте за мной. Это странно.

ПАВИЙОН. Что странного, сударь? Это улица, все идут.

КВЕНТИН. Ну хорошо, давайте погуляем вместе. Город у вас красивый.

ПАВИЙОН. Да, мы стараемся, работаем.

КВЕНТИН. Высокие дома, внушительные улицы. Немного узкие и мрачные, но это ерунда. Роскошная выставка богатейших товаров и блестящих доспехов в бесчисленных лавках и складах. Площади кишат пестрой толпой. Фуры огромные, нагруженные всякими товарами. У вас богатый город.

ПАВИЙОН. Да, у нас богатый город.

КВЕНТИН. Каналы. Столько каналов! Можно не идти по улице, а плыть по ней!

ПАВИЙОН. И для торговли удобно.

КВЕНТИН. Вот опять они все смотрят на меня. Скажите, сударь, нет ли в моей наружности чего-нибудь такого, что привлекает любопытство?

ПАВИЙОН. Ну, как вам сказать...

КВЕНТИН. Или, быть может, у жителей Льежа в обычае глазеть на иностранцев?

ПАВИЙОН. Смотря на каких. В форме шотландских стрелков – да.

КВЕНТИН. Но почему?

ПАВИЙОН. А как вы доехали, сударь?

КВЕНТИН. Хорошо, очень хорошо, благодарю вас. Главное, благополучно. На нас никто не напал. Мы прекрасно разместились у епископа. Человек, который очень важен для меня, сегодня очень нежно посмотрел на меня из окна. Я счастлив. Я очень рад, что теперь можно беззаботно погулять, поглазеть по сторонам. Только одно меня смущает: что на меня здесь смотрят, будто я святой Денис.

ПАВИЙОН. Я — Павийон.

КВЕНТИН. Очень приятно. Но какое же мне до этого дело, сеньор Павийон?

ПАВИЙОН. Разумеется, никакого. Только, думаю, вам будет приятно узнать, что вы говорите с человеком, заслуживающим доверия.

КВЕНТИН. Это меня тоже очень радует. В наше беспокойное время встретить человека, который внушает доверие - значительное облегчение.

ПАВИЙОН. Вы же не откажетесь зайти ко мне выпить стаканчик рейнвейна с сахаром, и тогда мы узнаем что-нибудь новое о нашем добром друге и союзнике, которого любим и чтим от всего честного фламандского сердца.

КВЕНТИН. О ком вы говорите?

ПАВИЙОН. Ха-ха! А вы хороший конспиратор!

КВЕНТИН. Друг и союзник? О ком вы говорите?

ПАВИЙОН. Конечно, о даме вашего сердца.

КВЕНТИН. Даме моего сердца? Откуда вы о ней знаете?

ПАВИЙОН. Ха-ха! А вы весельчак! Ну хорошо, если вы хотите пока оставаться инкогнито...

КВЕНТИН. У меня нет для вас новостей. Не нужно мне вашего рейнвейна. Об одном прошу: разгоните эту толпу и позвольте мне выйти из города так же спокойно, как я вошел.

ПАВИЙОН. Но ведь вы шотландский стрелок, стрелок королевской гвардии?

КВЕНТИН. Да, я шотландский стрелок, ну и что?

ПАВИЙОН. Он сознался, сознался! Да здравствует Людовик Французский!

КРИКИ. Да здравствует Людовик Французский! Да здравствует шотландская гвардия! Да здравствует храбрый стрелок! Наши права и привилегии — или смерть! Долой налоги! Да здравствует доблестный Вепрь Арденнский! Долой Карла Бургундского! Долой Бурбона и его епископство!

КВЕНТИН. Я ничего не понимаю.

ПАВИЙОН. Ничего? Совсем ничего?

КВЕНТИН. Может быть, немного. Что-то понимаю, кажется.

ПАВИЙОН. Льеж – это свободный город. Мы не хотим отдавать свои деньги попам, не хотим содержать дворян. Кто такие дворяне? Это просто бездельники. Мы демократы. Мы за то, чтобы наши деньги оставались у нас и шли на развитие города. Мы труженики, ремесленники. Мы производим. А что производят попы и дворяне? Ничего. Они производят пустые слова на ветер. Молиться мы можем без попов. Армию нанять себе мы тоже можем – тех же головорезов Вепря Арденнского. Так зачем нам этот Карл Бургундский? Он нас таким налогом обложил. Но мы не рабы. Мы свободные люди. И наш город свободный. И король Людовик это понимает, он всегда нас поддерживал, нас всех, людей дела, ремесленников. Он всегда ведёт себя скромно, Людовик, и показал дворянам их место, а промышленникам дал дышать. Поэтому мы за Людовика, вашего короля, сударь. Так что он хотел перед нам через вас?

КВЕНТИН. О, это очень серьёзный разговор. Давайте поговорим завтра.

ПАВИЙОН. Хорошо, как скажете, сударь. Мы будем ждать вас завтра.

10.

Келья в замке епископа Льежского, Квентин перед свечой читает вслух записку.

КВЕНТИН. Прочтите без свидетелей. То, что ваши глаза выразили мне слишком смело, мои, быть может, поняли слишком быстро. Но несправедливые преследования придают смелость жертве, и мне кажется, лучше ввериться благородству одного, чем оставаться предметом искательства многих. Счастье свило себе гнездо на неприступной скале, но для смелых нет невозможного. Если вы готовы на всё для той, которая многим рискует ради вас, приходите завтра на рассвете в этот сад с белым и голубым пером на шляпе, но не ждите дальнейших разъяснений. Созвездия, говорят, предрекли вам великую будущность и наделили вас благородной душой. Прощайте.

Квентин ложится спать, задувает свечу. Он почти заснул. С улицы раздаётся громкий шум, крики. Квентин хватается за оружие. Заходит Цыган.

ЦЫГАН. Жители Льежа восстали. Гийом де ла Марк со своей шайкой тут. Копейщики от Карла ещё не приехали. Епископ не выдержит этот штурм. Если хотите спасти графиню и ваши надежды, ступайте за мной ради той, которая прислала вам письмо.

КВЕНТИН. Веди! Но в ту минуту, как у меня явится хоть тень подозрения в измене, твоя голова отлетит от туловища на три ярда!

Они выбегают в сад.

КРИКИ. Льеж и Вепрь! Льеж и Вепрь!

В саду к ним выходят две фигуры, укутанные в чёрные покрывала. Они бегут к реке, садятся в лодку.

ЦЫГАН. Я смог достать только две лошади. Вы вдвоём садитесь и скачите. А мы с Мартой побудем тут.

КВЕНТИН. С Мартой? Со служанкой Мартой?

ЦЫГАН. Простите мне эту маленькую хитрость, но я не посмел похитить обеих графинь де Круа у Дикого Вепря.

КВЕНТИН. Негодяй! Я вернусь и спасу леди Амелину!

АМЕЛИНА. Амелина здесь, возле тебя.

КВЕНТИН. Как! Значит, Изабелла осталась в замке?

Квентин убегает.

ЦЫГАН. Постойте! Куда вы! Это верная смерть! Да она очень богата! У неё много золота и драгоценных камней! И даже права на земли! *(Амелине)* Тут вышло маленькое недоразумение. Даю вам слово, графиня, что я ещё до рассвета найду вам мужа получше этого смазливового мальчишки. А мало будет одного — достану хоть двадцать!

АМЕЛИНА. Мошенник! Негодный раб! Обманщик! Чудовище! Не ты ли уверял меня, что звёзды предсказали наш союз? Не ты ли заставил меня написать ему это письмо?

ЦЫГАН. Да просто молодчик предпочитает говядине телятинку — вот и всё. Вставайте же и ступайте за мной, да имейте в виду: я терпеть не могу слёз и обмороков.

11.

Келья, Квентин находит Изабеллу, забившуюся в угол.

ИЗАБЕЛЛА. Дорвард, так это действительно вы! А я уж думала, что все друзья покинули меня. Но теперь вы меня не оставите?

КВЕНТИН. Никогда, что бы ни случилось.

ИЗАБЕЛЛА. Я нашла эту потайную комнату, и они не нашли меня. Что там снаружи?

КВЕНТИН. Гарнизон захвачен врасплох. Из Льежа прибегают всё новые толпы.

ИЗАБЕЛЛА. Война, будь она проклята.

КВЕНТИН. Некоторые солдаты из гарнизона переходят на сторону нападающих. Оказывается, искренне преданных епископу не так много.

ИЗАБЕЛЛА. А где он сам?

КВЕНТИН. В башне. И остатки гарнизона его яростно защищают. Дворы и нижний этаж замка уже захвачен. Они грабят.

ИЗАБЕЛЛА. Были бы войны, если бы не было грабежа? Но как вам удалось остаться живым?

КВЕНТИН. Я кричал: да здравствует Франция – союзница Льежа! И они не убили меня. Но мёртвых много, очень много. Как тогда, когда Огилви вырезали всю мою семью и всех людей в замке. Там снаружи дверь завалена мёртвыми телами. Я стал растаскивать кучу, и там был один живой человек. Он закричал: спаси меня, я дам тебе много золота. Это был Павийон, мы с ним познакомились вчера, в Льеже. Он не ранен, а просто задохнулся в своих доспехах.

ИЗАБЕЛЛА. Квентин, я не знаю, выйдем ли мы отсюда живыми. Я просто хотела поблагодарить вас за вашу преданность, и ещё хотела сказать...

Входит Павийон.

ПАВИЙОН. Очень нежно и трогательно! Любовные делишки, как видно. Застряла тут как птичке в пасти льва.

КВЕНТИН. Вы должны нам помочь, господин Павийон. Французский король, ваш союзник, поручил мне особо охранять эту даму, и если вы не поможете мне защитить её от оскорблений и насилия, то знайте: ваш город навсегда лишится милостей Людовика Валуа. Главное, её необходимо уберечь от рук Гийома де ла Марка.

ПАВИЙОН. Ну, это легче сказать, чем сделать. Эти каналы ландскнехты дьявольски ловко разыскивают красоток.

КВЕНТИН. Не забывайте, Павийон, я спас вам жизнь.

ПАВИЙОН. Надо подумать. Но прежде расстегните на мне все застёжки. Я не надевал этих лат с самой битвы при Сен-Троне, а с тех пор, если только наши голландские весы не врут, я стал тяжелее на три стоуна.

Квентин помогает Павийону снять доспехи.

ПАВИЙОН. Я покличу своих молодцов — льежских кожевников: они у меня надёжные парни, не хуже тех ножей, что носят за поясом.

Павийон уходит.

КВЕНТИН. Герцогиня... Я... Я только хотел сказать вам, что не жалею, что записался в эти шотландские стрелки. Хотя я терпеть не могу войну.

ИЗАБЕЛЛА. Но преданны королю?

КВЕНТИН. И разочаровался в короле. Но благодаря этому, я встретил вас.

ИЗАБЕЛЛА. Я тоже хотела сказать вам... В общем, если эти чудовища поймают меня... Помогите мне умереть, не отдавайте им меня. И ещё, и ещё я хотела сказать вам, раз уж мы, может, не увидим завтрашнее утро... Я просто хотела сказать, что...

Входит Павийон.

ПАВИЙОН. Говорят, я нужен на совете. Нужно отстаивать права Льежа. Говорят, Вепрь не хочет уходить. Он теперь решил занять этот замок и стать нам вместо епископа.

КВЕНТИН. А как же епископ?

ПАВИЙОН. Захвачен в плен. И они дурно с ним обращаются.

ИЗАБЕЛЛА. Боже мой!

ПАВИЙОН. Это ужасно несправедливо. Я ненавижу церковную власть, но не старого епископа. Говорят, вся голытьба из предместий пристала к Гийому де ла Марку. Он выкатил им из погребов все бочки с пивом и вином. И потом, голытьба завидует нам, цеховым мастерам, ремесленникам.

КВЕНТИН. Нам нужно выбраться отсюда.

ПАВИЙОН. Все мосты подняты, ворота на запоре, и повсюду на страже стоят ландскнехты. А если мы вздумаем силой проложить себе дорогу, эти молодцы порядком намнут нам бока, потому что война — их ремесло, а мы дерёмся только по праздникам. Носятся слухи о каких-то дамах де Круа, будто бы бежавших во время осады замка. Говорят, от этой новости Бородатый совсем обезумел, а теперь так налился, что у него последние мозги отшибло.

КВЕНТИН. Мне стыдно за вас, господин Павийон. Смело идите к Гийому де ла Марку и требуйте свободного выхода из замка для себя, своего оруженосца и дочери! Он не имеет никакого права держать вас в плену.

ПАВИЙОН. Так вы не посланник французского короля?

КВЕНТИН. Посланник. Но не к Вепрю, а к вам.

ПАВИЙОН (*Изабелле*). А вы, я полагаю, моя дочь?

ИЗАБЕЛЛА. Всю мою жизнь, каждый день я буду чтить и любить вас, молиться за вас, как дочь за отца, только помогите мне в моем ужасном положении! Сжальтесь надо мной!

ПАВИЙОН. Ну хорошо, я помогу вам. Вы так похожи на мою дочку. А если они спросят, каким образом моя дочь попала сюда?

КВЕНТИН. Э-э-э...

ИЗАБЕЛЛА. Они всегда суют свой нос туда, где их не спрашивают, эти женщины.

КВЕНТИН. Прекрасно сказано! Завернитесь, сударыня, в платок, и идёмте уже на свободу.

ПАВИЙОН. Этот де ла Марк сущий дьявол, настоящий вепрь как по виду, так и по характеру. Что, если эта молодая дама — одна из графинь де Круа и он её узнает? Что тогда будет? Даже подумать страшно!

ИЗАБЕЛЛА. Но ведь вы христианин.

ПАВИЙОН. Я бюргер.

12.

Пир в Большом зале замка. За накрытым столом Вепрь, его люди и льежцы празднуют победу. В оконном проёме рядом со столом висит чей-то труп. Заходят Павийон, Квентин, Изабелла и кожевенники.

ВЕПРЬ (Сыну). Эй, сын! Ну как, сколько золота послал тебе бог?

СЫН. Сколько ни послал – всё моё!

ВЕПРЬ. Горжусь! Это ваш будущий вождь, он хороший воин!

ПАВИЙОН. Уважаемый Гийом де ла Марк! Дорогие солдаты и жители города Льежа! Позвольте поздравить вас с нашей общей победой, победой гражданских прав над притеснением и налогами власти!

ВЕПРЬ. Ну да, конечно, «мы вместе затравили зверя», как сказала болонка волкодаву! Но что я вижу, сеньор бургомистр! Вы точно Марс, являетесь к нам с красавицей! Кто эта прелестная незнакомка? Долой, долой покрывало! Нынче ночью ни одна женщина не смеет считать собственностью свою красоту!

ПАВИЙОН. Это моя дочь, благородный вождь, и я как милости прошу для неё вашего разрешения не поднимать покрывала. Таков обет, который она дала блаженной памяти Трём Царям.

ВЕПРЬ. Я сниму с неё этот обет. Одним ударом ножа я посвящу себя в епископы Льежа, а один живой епископ стоит, надеюсь, трех мёртвых царей.

Недовольный ропот присутствующих.

Впрочем, я не хотел оскорбить своими словами блаженной памяти трёх святых. Я просто хочу стать епископом. Государь, соединяющий в своих руках власть светскую и духовную — власть карать и миловать — что может быть удобнее для такой шайки разбойников, как вы? Кто другой решится дать вам отпущение грехов? Но что же вы стоите, благородный бургомистр? Подойдите поближе, сядьте возле меня — я сейчас покажу вам, как освобождать нужные места. Привести сюда нашего предшественника — епископа!

Павийон со своей свитой садится подальше от Вепря, на другом конце стола, там, где сидит Сын. Приводят растерзанного епископа.

Людовик Бурбон, я предлагал тебе мою дружбу, но ты отверг её. Чего бы ты не дал теперь, чтоб всё было иначе! (Мяснику) Никкель, приготовься.

Мясник с топором становится рядом с Епископом.

Взгляни на этого человека, Людовик Бурбон, и скажи, какие условия ты можешь нам предложить, чтобы спастись в этот грозный час.

ЕПИСКОП. Выслушай меня, Гийом де ла Марк, и вы все, добрые люди, если здесь они есть. Гийом де ла Марк, ты поднял мятеж в городе Карла Бургундского, силой захватил замок, перебил слуг, разграбил имущество. За это ты подлежишь суду и заслуживаешь быть объявленным вне закона и стать

изгнанником, лишённым всех прав состояния. Но ты преступил не только законы человеческие, но и божеские: ты вломился в храм господен, наложил руки на служителя церкви, осквернил святилище кровью и грабежом, ты совершил святотатство...

ВЕПРЬ. Ты всё сказал?

ЕПИСКОП. Я перечислил твои преступления, теперь выслушай условия, которые я как милосердный государь, как христианин и духовный отец, забывая все личные обиды и прощая все оскорбления, могу тебе предложить. Брось свой предводительский жезл, распусти войско, освободи пленных, возврати награбленную добычу, раздай своё имущество тем, кого ты сделал сиротами и вдовами, надень на себя власяницу, посыпь голову пеплом, возьми в руку посох и босой ступай в Рим... Мы же со своей стороны обещаем тебе лично ходатайствовать перед Ратисбонским имперским сеймом за твою жизнь и перед нашим святым отцом папой за твою грешную душу!

Вебрь делает знак Мяснику, и тот убивает Епископа топором. Льежские горожане с криками ужаса вскакивают со своих мест.

ВЕПРЬ. Молчать, вы, льежские свиньи! Как вы смеете восставать против Дикого Арденнского Вебря! Вам только впору валяться в грязи Мааса! Солдаты, покажите-ка ваши клыки этим фламандским свиньям!

Солдаты хватают горожан и обнажают кинжалы. Квентин приставляет кинжал к Сыну.

КВЕНТИН. Эй, посмотри сюда, Вебрь!

ВЕПРЬ. Стой! Стой! Это шутка, я пошутил! Неужели вы думаете, что я могу обидеть моих добрых друзей и союзников — льежских граждан! Прочь руки, ребята, и по местам! (*толкнув ногой тело епископа*) Да убрать отсюда эту падаль, чуть было не вызвавшую ссору между друзьями. Выпьем за примирение и зальём вином воспоминание о глупой размолвке!

КВЕНТИН. Выслушайте меня вы, Гийом де ла Марк, и вы, граждане Льежа!

ВЕПРЬ. Да сам-то ты кто такой, чёрт тебя побери?

КВЕНТИН. Я слуга Людовика, короля французского, стрелок его шотландской гвардии. Я прислан сюда, чтобы наблюдать и донести обо всём, что здесь происходит, королю, и, к удивлению, вижу, что вы поступаете скорее как язычники, чем как христиане. Войско Карла Бургундского не замедлит выступить против вас, и, если вы рассчитываете на поддержку Франции, то должны вести себя иначе. А вам, граждане Льежа, мой совет разойтись по домам. Того же, кто станет препятствовать вашему свободному выходу из Шонвальда, я объявлю врагом моего государя, его величества милостивого короля Франции!

КРИКИ. Франция и Льеж! Да здравствует храбрый стрелок! Мы будем жить и умрём вместе с ним!

ВЕПРЬ. Постойте! Если я и обидел своих друзей, льежских горожан, то сделал это без всякого умысла. И конечно, вы вольны выйти из замка, когда вам

вздумается. Но надеюсь, что вы не откажетесь от участия в праздновании нашей победы. Я готов хоть завтра вступить в переговоры о дележе добычи и принятии мер для общей обороны. Надеюсь, что господин шотландец, во всяком случае, не откажется принять участие в нашей сегодняшней пирушке.

КВЕНТИН. Спасибо за оказанную честь, сударь. Но я поступлю так, как скажет господин бургомистр.

ПАВИЙОН. Пожалуй, мы пойдём домой.

ВЕПРЬ. Ну что ж, пропустите их.

13.

Карл у себя в замке в Перроне за большим обеденным столом в окружении своего двора.

КАРЛ. Ну что, шут, как ты думаешь, с честными ли намерениями приехал сюда наш кузен Людовик?

ШУТ. Это мы скоро узнаем.

КАРЛ. Скоро узнаем, да. Если с его стороны это новый обман, если этим показным доверием он думает отвести мне глаза, клянусь святым Георгием Бургундским, горе ему! А что, ходят слухи, герцог Орлеанский и Дюнуа сидели в тюрьме, но он выпустил их и взял с собой к нам?

ШУТ. И их, и своих палачей, и брадобрея. И всё это сборище так бедно одето, что, клянусь честью, короля можно принять за старого ростовщика, который разъезжает в сопровождении полицейского отряда, чтобы собирать долги со своих должников.

КАРЛ. Ха-ха! Старый ростовщик! Кстати, что там, приготовили подарки? Серебро, как я велел. Чёрт возьми этот этикет.

ШУТ. Друг Карл, разреши мне поднести подарок твоему кузену Людовику. Я подарю ему мой дурацкий колпак с колокольчиками и мою погремушку в придачу, ибо, клянусь обедней, если он добровольно отдаёт себя в твои руки, значит, он ещё глупее меня.

КАРЛ. Ты не знаешь его, у него что-то на уме, он снова хочет меня одурачить. Король лицемеров! Сколько раз он отвечал предательством на все благодеяния, оказанные нашим домом. Да что говорить, он убил собственного брата и восставал даже против собственного отца! Мой отец Филипп возвёл его в рыцарский сан, короновал его, хотя сам мог бы стать королём. Его так любил народ, его, а не этого предателя. И чем он отблагодарил? Нарушил все договоры. Он хочет нас уничтожить, да-да, я понимаю это. Возбуждает против нас наших врагов. Он хочет, чтобы Бургундия стала слабой и подчинялась Франции. Он строит империю.

ШУТ. Он в наших руках, как и его империя.

КАРЛ. Да, никогда он не был настолько в наших руках. Например, я могу послать за герцогом Нормандским, его братом и заклятым врагом, и мы вместе можем принудить Людовика отказаться в его пользу от престола или по крайней мере от главных королевских прав и владений. Но у нас нет доказательств его вины. А пока он здесь... У меня нехорошее чувство, будто сюда прокралась какая-то измена.

ШУТ. Говорят, они привёз с собой мешки с золотом.

КАРЛ. Подкупать наших подданных, не иначе. Мои подданные! Это искушение для вас, на кону ваша честь. Предадите ли вы своего Карла или откажетесь от золота Людовика?

ШУТ. Так они и сказали. Конечно, они скажут, что честь дороже. Говорить об этом легко.

КАРЛ. Мы только что приехали со смотра наших бургундских войск. Вы знаете, что они у нас многочисленны и хорошо вооружены. И король, я видел по его глазам, почувствовал страх, что вся эта армия может двинуться на Париж. В рядах было много знамен французского дворянства не только из Нормандии и Бретани, но и из других, более близких, провинций. Всё это его собственные недовольные подданные, которые откололись от Франции и вступили в ряды нашего войска. Они сознательно выбрали Бургундию. И теперь, когда ты выбрал отечество, держись его. Служи ему не за золото.

ШУТ. Наш герцог стал проповедником.

КАРЛ. Да, что-то я увлёкся. А вот, наконец, король.

Входит Король.

КОРОЛЬ. Я немного запоздал, приводил себя в порядок. Ваши войска, любезный кузен, меня запылили.

ШУТ. Это самое меньшее, что они могут сделать с вами, король.

КАРЛ. Помолчи, Ле Глорье. Мы не начинали без вас трапезу, ваше величество. Тем более, надо дождаться Кревкера. Он только что вернулся из Льежа от нашего друга епископа.

КОРОЛЬ. Надеюсь, там всё спокойно.

КАРЛ. Я тоже очень надеюсь. Надеюсь, льежцы перевешали всех тех провокаторов, которые их подстрекали к мятежу.

КОРОЛЬ. И графини де Круа – возблагодарим святую деву, если они благополучно прибыли к епископу и их не поймал по дороге Арденнский вепрь.

КАРЛ. Немыслимо! Если это произошло, виновники ответят за это!

ШУТ. Тем более, за виновниками далеко ходить не надо.

КОРОЛЬ. Да, надо будет поймать уже Вепря. Сколько можно терпеть! Совсем распоясались эти разбойники.

КАРЛ. Я начну пока делить дичь.

Карл своим кинжалом кромсает жаренное мясо на блюде. Входит Кревкер.

ШУТ. А вот и фитиль к нашей бочке пороха.

КАРЛ. Ну что, граф, какие вести из Льежа?

ШУТ. Поджигай нас, граф.

КРЕВКЕР. Ваша светлость, всемилостивейший государь, привезённые мной вести таковы, что могут быть выслушаны скорее в совете, чем за пиршественным столом.

КАРЛ. Говори, хотя бы то была новость о пришествии антихриста! Впрочем, я догадываюсь: льежцы опять взбунтовались?

КРЕВКЕР. Взбунтовались, государь.

КАРЛ. Так эти головорезы опять взялись за оружие. Ну что ж, твоя весть пришла как нельзя более вовремя, потому что теперь мы, во всяком случае, можем спросить совета у нашего государя (*поклонился Королю*), как нам наказать этих негодных мятежников. Что-то ещё случилось? Говори, а потом дай нам ответ, почему ты не пошёл на помощь епископу.

КРЕВКЕР. Ни я, да и ни один рыцарь на свете не может уже больше помочь почтенному прелату. Гийом де ла Марк соединился с возмутившимися лжежцами, замок Шонвальд взят приступом, а епископ убит в своём собственном зале.

КАРЛ. Убит!

КРЕВКЕР. Увы, ваша светлость! Я знаю это от очевидца, королевского стрелка шотландской гвардии, который находился в зале, когда злодеяние было совершено по приказанию Гийома де ла Марка.

КАРЛ. И, конечно, этот стрелок был подстрекателем и пособником в святотатстве! Двери на запор, господа, охраняйте окна, и чтобы никто из чужих не смел двинуться с места под страхом немедленной смерти! Бургундцы, обнажите мечи!

КОРОЛЬ. Эти горестные вести помutilи ваш разум, любезный кузен.

КАРЛ. Нет! Они только подняли в моей душе справедливое негодование, которое я слишком долго подавлял в угоду мелочным соображениям и расчётам. Но теперь, братоубийца, предатель своего отца, жестокий тиран, коварный союзник, вероломный король, человек без чести и совести – теперь придётся отвечать!

ДЮНУА. Герцог, вы забываете, что вы вассал французской короны. Вперёд, герцог Орлеанский! Французы, вперёд! Если вы поднимете руку на нашего монарха, приготовьтесь встретить страшные последствия нашего отчаяния. Мы пили вино, теперь мы уьемся кровью Бургундии.

Французы собираются вокруг Короля.

КРЕВКЕР. Ваша светлость, подумайте, что вы делаете! Это ваш дом, вы вассал короля! Не обагрите же очаг кровью гостя — государя, которому вы сами воздвигли трон и который находится под вашей охраной!

КАРЛ. Прочь с дороги, Кревкер, не мешай мне!

КОРОЛЬ. Наш кузен герцог обезумел от горя. Но и мы оплакиваем смерть епископа.

КАРЛ. Ты прав, Кревкер, мы не имеем права расправиться с ним, как хотели это сделать в первую минуту гнева. Мы поступим с ним так, что вся Европа признает справедливость наших действий... Господа французские дворяне, сдайте оружие моим рыцарям. Ваш государь нарушил перемирие и не имеет больше права пользоваться его преимуществами.

ДЮНУА. Ни один из нас не отдаст своего меча и не выйдет из этого зала, пока мы не будем уверены в неприкосновенности нашего короля.

КОРОЛЬ. Отдайте ваши мечи. Я сам приказываю вам!

КАРЛ. Оставьте мечи при себе — мне довольно, если вы дадите слово не пользоваться ими. А вы, Людовик де Валуа, должны считать себя моим пленником до тех пор, пока не очистите себя от подозрения в подстрекательстве к святотатственному убийству... Отвести его в башню графа Герберта!

14.

Король в башне Герберта, его бреет Оливье.

КОРОЛЬ. Какое жуткое место, Оливье.

ОЛИВЬЕ. Здесь был убит какой-то из ваших предков.

КОРОЛЬ. Как такое могло произойти, что мы здесь? Я же послал гонцов в Льеж с поручением сдерживать на время волнения и с приказанием Павийону притаиться и сидеть, как мыши в норе, пока не кончится наше радостное свидание с братом.

ОЛИВЬЕ. Может быть, Арденнский Вепрь имел другие планы?

КОРОЛЬ. Ведь и астрологический прогноз, который составил нам этот мошенник, гарантировал успех! Успех! Оливье, распорядись, чтобы в башню привели этого дурака-астролога, я хочу спросить его, какие сатанинские звёзды дали ему такой прогноз, что я теперь сижу в башне смерти.

ОЛИВЬЕ. Я распоряджусь, государь.

КОРОЛЬ. Ведь всё было так хорошо! Пока этот болван Карл охотился, я переговорил со всеми, со всеми его приближёнными. Я их хвалил за храбрость, проникательность. Они же почти все что-то имеют во Франции, а я им обещал ещё больше – новые земли. И потом, это так патриотично – дружба Франции и Бургундии, империя.

ОЛИВЬЕ. Мешки с золотом стали заметно хуже.

КОРОЛЬ. Я умею быть щедрым, когда это нужно.

ОЛИВЬЕ. Но теперь мы в этой башне.

КОРОЛЬ. Людовик Дурак, Людовик Простофиля, Людовик Полоумный! Нет, всё это слишком слабо, чтобы выразить мою безграничную глупость. Поверить, что эти головорезы — жители Льежа - могут хоть один день оставаться в покое. Вообразить, что этот арденнский дикий зверь обуздает свою кровожадную натуру. Рассчитывать, что мне удастся вразумить Карла Бургундского, не испытав заранее, могут ли разумные доводы оказать действие на дикого быка. Дурак, дважды идиот!

ОЛИВЬЕ. Скоро придёт астролог.

КОРОЛЬ. Изменник. Сочетание созвездий! Вот вам и сочетание! Он болтал чепуху, способную одурачить разве только трижды вываренную баранью голову, а я-то, идиот, воображал, что понимаю его. Иди позови ко мне Лесли, а я пока помолюсь.

Оливье уходит.

Преблагословенная дева Клерийская! Смилуйся надо мной, грешным! Каюсь, я часто пренебрегал тобой для блаженной сестры твоей, пречистой девы Эмбренской. Но я король — власть моя велика, я удвою налоги на моих подданных и воздам должное вам обеим. Открой эти железные двери, засыпь эти глубокие рвы и выведи меня из этой страшной опасности, как мать выводит своё дитя! Я отдам тебе богатую провинцию Шампань, и её виноградники принесут изобилие твоему монастырю. Брат мой был отравлен. И если я допустил это преступление, то верь мне, всеблагая заступница, лишь потому,

что не видел другого средства успокоить смуту в моем государстве. Не попомни же мне ныне этот старый грех, но будь, как всегда, сострадательной и милосердной заступницей! И прости мне один новый грех. Это даже не грех, пречистая мать Клерийская, а только акт справедливости, потому что этот негодяй — величайший обманщик. Он недостоин твоей защиты.

Входит Меченый.

Мой храбрый воин, ты давно уже служишь мне верой и правдой, но до сих пор мало подвигался по службе. Сейчас я оказался в таком положении, что не знаю, останусь ли жив или скоро умру, но мне не хотелось бы умереть неблагодарным, не воздав по заслугам. У меня есть друг, которого я должен наградить, — это ты, и враг, которого надо наказать по заслугам, — это вероломный негодяй астролог Галеотти. Лживыми уверениями он заманил меня в эту ловушку и предал моему смертельному врагу, как мясник приводит на бойню свою жертву.

МЕЧЕНЫЙ. Я вызову его на бой!

КОРОЛЬ. Хвалю твою преданность, но этот вероломный мерзавец очень умело владеет оружием, и я не хочу рисковать твоей жизнью, мой храбрый воин. Я приказал этому изменнику прийти сюда, и он сейчас явится. Тебе нужно только выбрать удобный момент, подойти к нему ближе и ударить его под пятое ребро... Понимаешь?

МЕЧЕНЫЙ. Дело это мне не подходит, ваше величество. Я и собаки-то не убью иначе, как в пылу схватки, если она на меня бросится.

КОРОЛЬ. Неужто у тебя такое мягкое сердце?

МЕЧЕНЫЙ. Война — дело отчаянное, и опасность так горячит кровь человеку, что, клянусь святым Андреем, нужно потом часа два, чтобы она успокоилась. Вот это самое я и называю оправданием грабежа после победы. Вашему величеству известно, какие мне случалось для вас обделявать делишки... Но то, что предлагаете вы, ваше величество, совсем не солдатское дело.

КОРОЛЬ. Позови мне моих палачей.

Меченый уходит, входят Труазешель и Птит-Андре.

Вы, двое, люди настолько искусные в своем ремесле, что из трёх человек повесите одного так, что двое других и не заметят. Я ценю это мастерство.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Все мы решили жить или умереть вместе с вашим величеством, ибо мы знаем, что, когда вас не станет, с нами расправятся не лучше, чем мы расправлялись с нашими подопечными.

ПТИТ-АНДРЕ. Висеть нам, раскачиваясь на ветру.

КОРОЛЬ. Тогда выполните мою новую просьбу. Осуждённый — Мартиус Галеотти. Это он завёл нас в эту ловушку.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Ну, это не пройдет ему даром!

КОРОЛЬ. Ступайте же и приготовьтесь. Он сейчас придёт. Я непременно хочу ещё раз встретиться с этим мерзавцем, чтобы поглядеть, как он будет себя вести в присутствии своего господина, которого предал. Я с наслаждением буду

смотреть, как сознание неминуемой смерти сотрёт краску с его румяных щек, как потускнеют глаза, которые смеялись, когда лгали мне.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. У нас есть небольшой недостаток, ваше величество: мы торопимся. Подчас это ведёт к ошибкам: бывало, повесишь не того. Мы просим ваше величество, когда вы будете прощаться с Галеотти, подайте какой-нибудь знак. А то бывали случаи, когда вы нас упрекали.

КОРОЛЬ. На этот раз никаких упрёков - я не изменю решения! Ну уж ладно, запомните хорошенько: если я, прощаясь, скажу этому плуту: «Над нами есть бог!» — тогда делайте своё дело; если же я скажу: «Иди с миром!» — значит, я изменил свое решение. Поняли?

ПТИТ-АНДРЕ. А куда девать труп? Мы тут живём, кушаем.

КОРОЛЬ. Сбросьте его в реку, а на грудь прицепите бумажку с надписью: «Пропустить беспошлинно: правосудие короля». А там пусть солдаты герцога вылавливают его как контрабанду, если им охота!

Трузешель и Птит-Андре уходят. Заходит Астролог.

АСТРОЛОГ. Счастливые созвездия да будут благосклонны к вашему величеству!

КОРОЛЬ. Однако стоит тебе оглядеться вокруг, стоит вспомнить, где помещается эта комната и кем охраняется, и ты легко убедишься, что благосклонные созвездия изменили мне, а враждебные соединились в самые пагубные сочетания. И тебе не стыдно, Мартиус Галеотти, видеть меня здесь, видеть узником, зная, чьи советы и уверения привели меня сюда?

АСТРОЛОГ. А не стыдно тебе, мой царственный ученик, падать духом при первом ударе судьбы и бежать при первой же неудаче, как бежит трус с поля брани при первом стуке оружия? Неужели ты свернёшь с избранного тобою пути, как пугливый конь, встревоженный призраком воображаемой опасности?

КОРОЛЬ. Предатель! Что же, что, по-твоему, истинное несчастье? Не заточение? Не потеря престола? Не сама опасность для жизни? Скажи — что?

АСТРОЛОГ. Невежество, брат мой, невежество и суеверие, вот единственные истинные несчастья. Поверь мне, что даже король во всём блеске своего могущества и славы, если он ослеплён невежеством и суеверием, менее свободен, чем мудрец, закованный в тяжёлые цепи и брошенный в темницу. К этому единственному и истинному счастью я призван указать тебе путь, если только ты будешь следовать моим наставлениям.

КОРОЛЬ. Вон! Ступай вон, но не думай, изменник, что ты избежишь заслуженной кары: над нами есть бог!

АСТРОЛОГ. Но сначала, Людовик де Валуа, сознайся, что ты похож на безумного путника, который обрушивает свой гнев на кормчего только за то, что тот не может провести корабль в гавань, не встретив по пути противного ветра и неблагоприятных течений.

КОРОЛЬ. Ты мне напомнил ещё один свой обман! Ты предсказал мне, что юный шотландец счастливо выполнит возложенное на него поручение, на пользу мне и во славу. И чем оно кончилось? Ты имел глупость сделать совершенно определённое предсказание, которое тут же оказалось ложным.

АСТРОЛОГ. И всё же оно подтвердится на деле и окажется истиной. Именно оно исполнится. Я предсказал тебе ещё, что путешествие это будет иметь счастливые последствия для того, кто его послал. Скоро это подтвердится, и ты получишь немалые выгоды.

КОРОЛЬ. Я не верю тебе. Вон отсюда! погоди, может ли твоё мнимое искусство открыть час твоей собственной смерти?

АСТРОЛОГ. Единственное, что я могу утверждать вполне определенно, это что моя смерть наступит ровно за двадцать четыре часа до смерти вашего величества.

КОРОЛЬ. Как! Что ты сказал? Постой, не уходи, подожди минутку. Повтори.

АСТРОЛОГ. Ровно через двадцать четыре часа, минута в минуту. Желаю вашему величеству покойной ночи!

КОРОЛЬ. Постой, постой, не уходи! Послушай, Галеотти, я всегда был для тебя добрым государем: я обогатил тебя, сделал своим другом, товарищем, наставником. Заклинаю тебя, будь со мной откровенен! Есть ли хоть капля истины в твоей науке?

АСТРОЛОГ. Я унизил бы своё достоинство, если бы стал повторять перед вашим величеством уверения в истинности моих слов. День-другой терпения покажут, верно ли было моё предсказание относительно молодого шотландца. И пусть меня колесуют, пусть раздробят кости, если бесстрашное поведение этого Квентина Дорварда не принесет вашему величеству выгоды, и выгоды немаловажной! Но если мне суждено умереть в пытках, вашему величеству не худо будет позаботиться о духовном отце: с той минуты, как я испущу последний вздох, вам останется ровно двадцать четыре часа на исповедь и покаяние.

КОРОЛЬ. Завтра мы ещё поговорим об этом подробнее. Иди с миром, высокомудрый отец мой. Иди с миром! Иди с миром!

Король провожает Астролога.

ТРУАЗЕШЕЛЬ (*тихо*). Бедный слепец-чернокнижник! Как было упустить такой прекрасный случай умереть от верёвки святого Франциска и искупить хоть отчасти свое гнусное колдовство! А я-то собирался затянуть на нём спасительную петлю, чтобы изгнать злого духа из его грешного тела!

ПТИТ-АНДРЕ (*тихо*). Что и говорить, я тоже упустил редкий случай проверить, может ли тройная веревка вытянуться от тела весом в семнадцать стоунов. Опыт стоил того, чтобы его сделать, и прославил бы наше ремесло, не говоря уже о том, что старый забулдыга умер бы такой лёгкой смертью.

15.

КРЕВКЕР. Графини де Круа у Карла.

КОРОЛЬ. Это... это не очень хорошие новости, Кревкер. Я опасюсь, как бы они... Вдруг им показалось, что это я позвал их во Францию. И что это я потом отправил их навстречу Вепрю.

КРЕВКЕР. Надеюсь, что правда проявит себя, какой бы они ни была.

КОРОЛЬ. Граф, вы разумный мудрый человек, вы же понимаете, что всякое насилие над моей особой может повлечь за собой как для Франции, так и для Бургундии ряд самых пагубных последствий. Англия.

КРЕВКЕР. Да, Англия.

КОРОЛЬ. Она воспользуется неминуемыми междоусобицами и пожелает вернуть себе Нормандию и Гиень. Война.

КРЕВКЕР. Да, война.

КОРОЛЬ. Война – это разорительное дело. Мы с таким трудом её прекратили благодаря союзу Франции с Бургундией против их общего врага – Англии.

КРЕВКЕР. Если бы при этом все стороны выполняли свои обязательства.

КОРОЛЬ. Я допускал ошибки. Но только мудрый человек понимает ценность мира. Помири нас с Карлом, граф. Я слышал, что жалованье, которое ты получаешь при здешнем дворе, не больше жалованья старшего сокольничего. Вот как ценят здесь услуги самого мудрого в Европе советника. Его приравнивают к человеку, который только кормит и лечит хищных птиц, и даже ставят ниже. Но Франция богата, у французского короля много денег. Позволь же мне, мой друг, загладить эту вопиющую несправедливость.

КРЕВКЕР. Спасибо, ваше величество, благодарю вас. Но я совершенно удовлетворен щедростью своего законного государя и никакие подарки не могут усилить моё искреннее желание служить вашему величеству.

КОРОЛЬ. Редкий ты человек. Тогда давай прямо. Чего хочет от меня ваш герцог?

КРЕВКЕР. Я не уполномочен предъявлять претензии, государь. Скоро герцог сам выскажет их вашему величеству, но я угадываю возможность кое-каких требований, к которым вашему величеству следовало бы подготовиться.

КОРОЛЬ. Говори.

КРЕВКЕР. Вам, вероятно, придется отречься от льежцев и Гийома де ла Марка.

КОРОЛЬ. Отрекаюсь так же охотно, как от ада и сатаны.

КРЕВКЕР. От вас могут потребовать в виде залогов сдачи некоторых крепостей или чего-нибудь в этом роде — гарантий, что на будущее время Франция не станет сеять смуту среди фламандцев.

КОРОЛЬ. Пусть будет так.

КРЕВКЕР. От вас, ваше величество, могут еще потребовать, чтобы вы не притесняли герцога Бретонского, и признали бы на будущее время право его и других главнейших ваших вассалов чеканить монету, называться герцогами и государями милостью божьей.

КОРОЛЬ. Словом, сделать всех моих вассалов королями!

КРЕВКЕР. Кстати, мой герцог, хоть он и не требует в настоящее время титула независимого государя, желал бы, однако, избавиться от некоторых унижительных для него выражений вассальной зависимости от французской короны. Он намерен увенчать свою герцогскую корону державой — эмблемой независимости своих владений.

КОРОЛЬ. А как смеет герцог Бургундский, верноподданный вассал Франции, как он смеет предъявлять своему господину требования, за которые по всем европейским законам его владения подлежат конфискации?

КРЕВКЕР. Вашему величеству хорошо известно, что феодальные законы устарели и нигде не соблюдаются.

КОРОЛЬ. Ну ладно, я об этом подумаю. Но надеюсь по крайней мере, что этим исчерпываются безумные требования герцога?

КРЕВКЕР. Ваш кузен герцог Орлеанский...

КОРОЛЬ. А, вот оно что!

КРЕВКЕР. Герцог Орлеанский увлёкся молодой графиней Изабеллой де Круа, и герцог Карл, который вполне одобряет этот брак, желал бы заручиться и вашим согласием, государь. Он хочет, чтобы ваше величество дали знатной чете приданое, которое вместе с состоянием самой графини составило бы достойное владение для сына Франции.

КОРОЛЬ. Никогда этому не бывать! Никогда! Пусть принесут ножницы и срежут мне волосы, как деревенскому дураку, на которого я и без того слишком похож! Пусть сошлют меня в монастырь, уложат в гроб, выжгут глаза каленым железом — я не позволю герцогу Орлеанскому нарушить слово, данное моей дочери! Он ни на ком не женится, пока она жива!

КРЕВКЕР. Ни один благоразумный человек не станет удерживать падающую скалу.

КОРОЛЬ. Подумай, Кревкер, ведь подобный брак — это гибель, это разорение моего государства! Подумай, ведь у меня только один сын, слабый ребенок, и после него герцог Орлеанский — ближайший мой наследник. Сама церковь согласилась сочетать его и Жанну, и этот союз счастливо соединит интересы обеих линий моего дома.

КРЕВКЕР. Это самые мягкие требования. И мне, конечно, нет надобности напоминать вам, что наш герцог охотнее всего принимает самые решительные и самые жестокие советы, потому что любит быстрые, крутые меры.

КОРОЛЬ. Как же, как же! Я сам видел, как он однажды с опасностью для жизни переплывал реку, когда не дальше как в двухстах ярдах от него был мост.

КРЕВКЕР. Уступите.

КОРОЛЬ. Насчет Орлеанского — нет.

КРЕВКЕР. Может быть, свою дочь вам удастся отстоять. Главное, чтобы не выплыли улики, например, какие-нибудь письма к Арденнскому Вепрю.

КОРОЛЬ. Нет, нет, я не так глуп, чтобы метать бисер перед свиньями! Те немногие переговоры, которые были у меня с этим грубым животным, всегда велись на словах и не иначе, как через бродяг, которых не взяли бы в свидетели даже по делу о раскраденном курятнике. Что меня волнует — это показания Изабеллы де Круа и Квентина Дорварда.

15.

Зал в замке Карла, теперь в нём происходит суд.

КАРЛ. Мои верные вассалы и советники, вам известно, какие страшные беспорядки происходят в наших владениях, вследствие непрерывных восстаний вассалов против их сюзеренов, подданных — против их законных государей. В настоящую минуту мы имеем самые ужасные доказательства того, до каких невиданных размеров разрослось это зло в наши дни. Графиня Изабелла де Круа и тётка её графиня Амелина постыдно бежали из Бургундии и отделились под покровительство чужеземной державы, чем нарушили данную нам клятву верности и подвергли свои владения закону о конфискации. Ещё более ужасный пример мы видим в злодейском убийстве нашего возлюбленного брата и союзника, епископа Льежского, и в новом мятеже беспокойного города, который за последнее восстание был слишком мягко наказан. Мы имеем основание думать, что эти печальные события были вызваны прежде всего

интригами чужеземной державы, происками могущественного соседа, от которого, если бы только за добро платили добром, Бургундия не могла ожидать ничего, кроме самой искренней и преданной дружбы. И если всё это окажется правдой, то я не вижу, какие соображения могут нам помешать принять меры, чтобы раз и навсегда пресечь этот мутный поток зла, уничтожив его источник.

КОРОЛЬ. Вельможи Франции и Бургундии, рыцари Святого Духа и Золотого Руна. Я несколько не сомневаюсь, что среди виновников злодеяний, совершенных в Шонвальде, были негодяи, пользовавшиеся моим именем. Но можно ли считать меня ответственным за злоупотребление, в котором я неповинен? Если две сумасбродные женщины, увлечённые какими-то романтическими бреднями, решили искать убежища при моём дворе, разве из этого следует, что они поступили таким образом по моему наущению? Скажу более: у моего брата герцога нет в руках ни одного мало-мальски убедительного доказательства, которым можно было бы подтвердить столь оскорбительное обвинение, заставившее его обратиться за помощью к суду, а свой гостеприимный кров — в тюрьму.

КАРЛ. Ввести сюда графиню Изабеллу де Круа.

Входит Изабелла в сопровождении графини де Кревкер.

Наконец-то вы явились, сударыня! Ну-с, что же вы думаете, прелестная девица, о том, что натворили? Вы, может, довольны, что перессорили двух великих государей и едва не сделали причиной войны?

ГРАФИНЯ ДЕ КРЕВКЕР. Государь, позвольте вам заметить, что моя юная родственница находится под моим покровительством. Мне лучше знать, как надо обращаться с женщинами, и, если ваша светлость не будет говорить в другом тоне, более соответствующем нашему полу и званию, мы немедленно удалимся отсюда.

КАРЛ. Ха-ха-ха! Однако, Кревкер, твоя кротость сделала из твоей жены воина! Подайте стул этой прелестной девице, на которую мы не только не гневаемся, но даже намерены оказать ей милость и высокую честь... Садитесь, сударыня, и поведайте нам, какой злой дух овладел вами, когда вы убежали из своего отечества и пустились странствовать по белу свету, как какая-нибудь авантюристка?

ИЗАБЕЛЛА. Я не могла не согласиться на брак, к которому вы хотели меня принудить. И надеялась найти поддержку при французском дворе.

КАРЛ. И, разумеется, вы были заранее уверены в поддержке?

ИЗАБЕЛЛА. Об этом я узнала от моей тётушки, леди Амелины, а она, в свою очередь, получила их от одного человека.

КАРЛ. Кто этот человек?

ИЗАБЕЛЛА. Это был цыган Замет Мограбин.

КАРЛ. Этот человек сказал вам, что служит королю?

ИЗАБЕЛЛА. Да.

КАРЛ. Превосходно!

ИЗАБЕЛЛА. Но он мог врать.

КАРЛ. Крот роет свои подземные ходы у нас под ногами, хоть мы и не можем с точностью проследить его движения. Но всё-таки я бы хотел, чтобы король Людовик объяснил нам, почему он принял графиню у себя при дворе, если они явились к нему без приглашения.

КОРОЛЬ. Мой приём был не слишком радушен, любезный кузен. Из сострадания я принял этих дам как частное лицо, но воспользовался первым случаем, чтобы отослать их к покойному епископу, вашему собственному союзнику. Он, упокой господь его душу, был в этом деле лучшим судьёй, чем я и чем всякий другой светский государь. Я смело могу спросить эту молодую девушку: радушен ли был мой приём?

ИЗАБЕЛЛА. Он был настолько нерадушен, что я тогда же стала сомневаться, действительно ли ваше величество изволили приглашать нас к себе. Мы другого ожидали от короля, рыцаря и дворянина.

КАРЛ. Позвольте вас спросить, прелестная девица, почему в рассказе о вашем путешествии вы ни словом не обмолвились о неких любовных приключениях? Ого, сударыня, вы уже краснеете! Вы умолчали также и о лесных рыцарях, чуть было не помешавших вашему дальнейшему странствованию. Как видите, до нас тоже дошли кое-какие слухи, и, может быть, мы сумеем сделать из них свои выводы. (*Королю*) Как вы думаете, ваше величество, не лучше ли будет, прежде чем эта новая Елена Троянская перессорит всех королев, не лучше ли выдать ее замуж?

ИЗАБЕЛЛА. Благородный герцог Бургундский, мой государь и повелитель! Я отдаю все мои земли и замки в ваше полное распоряжение и прошу вас только об одной милости: в память моего отца уделите последней представительнице дома де Круа лишь малую долю из её огромного богатства, чтобы дать ей возможность окончить жизнь в монастыре.

КАРЛ. Что вы думаете, ваше величество, о просьбе этой юной девицы?

КОРОЛЬ. Это правильное решение.

КАРЛ. Хорошо. Мы подумаем об этом. Когда у нас будет время. Уладим дело и вам придется повиноваться. Можете удалиться. Вызовите Квентина Дорварда.

Изабелла уходит, входит Квентин.

Расскажи нам вот о чём: как ты выполнил поручение короля доставить дам к епископу.

КВЕНТИН. Я его выполнил. Дамы были благополучно доставлены.

КАРЛ. В самом начале твоего путешествия два рыцаря напали в лесу на твой отряд, расскажи об этом.

КВЕНТИН. Я не считаю себя вправе ни говорить, ни даже вспоминать об этом происшествии.

ОРЛЕАНСКИЙ. Но я не вправе о нём забыть. Ты мужественно исполнил свой долг и так добросовестно защищал дам, порученных твоему покровительству, что я долго этого не забуду. Приходи ко мне, стрелок, когда будешь свободен, и ты увидишь, что я помню твою храбрость.

ДЮНУА. Не забудь и меня. Я дам тебе шлем, потому что, кажется, я тебе его должен.

КАРЛ. Покажи маршрут, который дал тебе король.

Квентин подаёт бумагу Карлу.

И ты точно придерживался этих инструкций, стрелок?

КАРЛ. Не совсем, ваша светлость. В маршруте, как вы сами изволите видеть, мне было приказано ехать правым берегом Мааса, а я выбрал левый берег, потому что это было быстрее и безопаснее.

КАРЛ. На каком же основании ты позволил себе это отступление?

КВЕНТИН. Я начал сомневаться в верности моего проводника.

КАРЛ. Теперь слушай внимательно, что я буду тебя спрашивать, и отвечай. Если я увижу, что ты в своих ответах колеблешься или уклоняешься от истины, я велю заковать тебя в железную цепь и подвесить на самую верхушку колокольни. И помни: ты провисишь там не один час, пока смерть не освободит тебя. Итак, кто был твой проводник, кем он был назначен и почему его поведение показалось тебе подозрительным.

КВЕНТИН. Это был цыган Хайраддин Мограбин. Он был дан мне королём. Цыган вёл себя неприлично, как бы добиваясь того, что его выгонят из монастыря. Так и случилось. Его выгнали, и я решил проследить за ним. Цыган встретился с человеком Гийома де ла Марка. Из разговора я узнал, что они хотят напасть на нас и похитить дам.

КАРЛ. Не говорили ли эти негодяи чего-нибудь о том, что король — вот этот самый король Людовик Французский — поручил им совершить это нападение и похитить дам?

КВЕНТИН. Если бы даже эти низкие люди и сказали что-либо подобное, я бы им не поверил. Потому что я верю своему королю.

КАРЛ. Ты верный слуга, но позволь тебе заметить, что, исполняя приказание короля, ты жестоко обманул его ожидания и своей собачьей верностью оказал ему весьма сомнительную услугу.

КВЕНТИН. Я не понимаю вас, ваша светлость. Я просто выполнял приказ.

КАРЛ. Поручал ли тебе король передать что-то жителям Льежа?

КВЕНТИН. Готов поклясться, что я не имел никаких поручений от французского короля к гражданам Льежа, а тем более инструкций подстрекать их к мятежу. Воспользовавшись навязанным мне званием посланца короля Людовика, я поступил в этом случае как человек, который в минуту опасности, спасаясь сам и спасая других, поднимает для обороны первый попавшийся щит, не заботясь о том, имеет ли он право на украшающие его гербы и девизы.

КРЕВКЕР. Государь, прибыл герольд из города Льежа.

КАРЛ. Герольд от ткачей и гвоздильщиков? Но всё равно, ввести его сюда!

Входит Цыган, переодетый в герольда.

Кто ты, во имя дьявола?

ЦЫГАН. Я Красный Вепрь, оруженосец Гийома де ла Марка, милостью божьей государя — епископа Льежского. И, в силу прав его супруги, графини Амелины де Круа, графа де Круа и владетеля Бракемонта. Возвещаю вам, герцог

Бургундский и граф Фландрский, от имени моего господина, что по получении разрешения нашего святейшего отца в Риме, он намеревается вступить в отправление обязанностей государя — епископа Льежского и поддерживать свои права в качестве графа де Круа!

КАРЛ. Вот как!

ЦЫГАН. Итак, именем государя епископа Льежского, графа де Круа, я требую, чтобы вы, герцог Карл, отказались от всяких прав и притязаний на свободный имперский город Льеж, которым вы завладели силой и незаконно распорядились вместе с покойным Людовиком Бурбоном, его бывшим недостойным епископом.

КАРЛ. Вот как! Кончил ли ты?

ЦЫГАН. Ещё одно слово, от имени моего благородного и доблестного государя по поводу его достойного и верного союзника, наихристианнейшего короля, священную особу которого, как носят слухи, вы, Карл Бургундский, держите в плену, позабыв свой долг вассала французской короны и правила чести. На этом основании мой благородный и доблестный государь приказывает вам моими устами немедленно освободить наихристианнейшего короля, его царственного союзника, или принять вызов, который он уполномочил меня вам передать.

КАРЛ. А! Клянусь святым Георгием Бургундским...

КОРОЛЬ. С вашего позволения, любезный кузен мой Бургундский, я требую права первым ответить этому наглецу... Послушай, ты, негодяй, герольд или кто бы ты ни был, передай этому отверженцу и убийце Гийому де ла Марку, что французский король скоро будет под стенами Льежа, чтобы отомстить за святотатственное убийство своего любимого родственника. И что он намерен повесить де ла Марка за дерзость, с которой тот осмеливается называть себя его союзником и вкладывать его царственное имя в уста мерзавца посла!

КАРЛ. Прибавь от меня всё, что только государь может сказать грабителю и убийце, и вон отсюда! Или нет, погоди! Выдрать его плетьюми, да так, чтобы спустить с него всю шкуру!

КРЕВКЕР. Ваша светлость изволите забывать, что он герольд и пользуется неприкосновенностью!

КАРЛ. Да неужели же вы такие простаки, господа, чтобы поверить, будто платье делает герольда? Я вижу по его мишурной пышности, что это просто самозванец!

ЦЫГАН. Я изучал геральдику в Ратисбоннской коллегии.

КАРЛ. Ну-ка, опиши мне этот герб.

Карл показывает герб. Цыган молчит.

Молчишь? Отвечай: герольд ты или нет?

ЦЫГАН. Только на этот случай.

КАРЛ. Хватайте Красного Вепря! Ату его! Ату! Мы затравим его собаками!

Скорее, господа, идем смотреть травлю!

КОРОЛЬ. Какая забавная мысль, кузен! Ха-ха-ха!

ОЛИВЬЕ (*тихо Королю*). Это цыган Хайрадин Мограбин. Его нельзя допускать говорить с герцогом.

КОРОЛЬ (*Карлу*). С позволения вашей светлости, эта дичь по праву принадлежит мне, и я её требую. Негодяй отмечен моей печатью: на плече у него выжжена лилия, как вы сами можете убедиться. Это известный разбойник, убивавший подданных его величества, грабивший церкви, насилувавший девушек, стрелявший дичь в королевских парках.

КАРЛ. Что прикажете с ним делать, ваше величество?

КОРОЛЬ. Отдайте его мне, я дам ему урок геральдики, в которой он оказался таким круглым невеждой. Объясню ему на практике значение креста с привешенной к нему петлей.

КАРЛ. Ах, Людовик, Людовик, какой ты веселый собеседник! Если бы бог сделал тебя таким же честным монархом! Я до сих пор не могу забыть того времени, когда мы, бывало, так веселились вдвоём.

КОРОЛЬ. От тебя вполне зависит вернуть то время. Вот кусочек животворящего креста господня, самое дорогое, что у меня есть. И я клянусь соблюдать все условия нашего нового договора, если мы его составим. Никогда ещё никто не произносил безнаказанно ложной клятвы над этой святыней.

КАРЛ. Однако, над этой самой реликвией ты поклялся мне в дружбе, покидая Бургундию, и вскоре после того подослал ко мне убийцу.

КОРОЛЬ. Охота вам, любезный кузен, вспоминать старые ссоры! Тогда я клялся совсем не на этом, а на другом куске животворящего креста, который был прислан мне турецким султаном и, вероятно, потерял часть своей силы из-за долгого пребывания у неверных.

КАРЛ. Исполните ли вы ваше обещание и пойдёте ли со мной, чтобы наказать этого убийцу, де ла Марка, и жителей Льежа?

КОРОЛЬ. Я пойду на них со всем рыцарством Франции!

КАРЛ. Не надо всех, возьмите небольшой отряд. И, чтоб уж раз навсегда покончить с одним из поводов нашей распри, вы дадите ваше согласие на брак графини Изабеллы де Круа с герцогом Орлеанским?

КОРОЛЬ. Поговорим лучше о городах на Сомме.

КАРЛ. Я хлопочу о возмещении нанесенных мне обид. Так да или нет?

КОРОЛЬ. Если обе стороны будут согласны.

КАРЛ. Итак, мы с вами опять друзья и кузены!

КОРОЛЬ. Да будет благословенно имя господне! (*тихо Оливье*) Пора покончить с этим цыганом.

16.

Трузешель и Птит-Андре готовятся казнить Цыгана.

ЦЫГАН. А могу я попросить вас о последнем одолжении?

ПТИТ-АНДРЕ. Я, кажется, был бы готов отдать жизнь за такого проворного, стойкого молодца, который притом собирается спокойно выполнить последний прыжок, как и подобает честному парню.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Так что, если тебе нужен исповедник.

ПТИТ-АНДРЕ. Или стаканчик винца.

ТРУАЗЕШЕЛЬ. Ты можешь это потребовать.

ЦЫГАН. Я попросил бы вас только подарить мне несколько минут, чтобы переговорить вон с тем молодым стрелком шотландской гвардии.

Палачи отходят, Квентин даёт им монету.

КВЕНТИН. Так вот к какому концу ты пришел.

ЦЫГАН. Да, как и вся моя семья.

КВЕНТИН. Не ты ли сам довёл себя до этого?

ЦЫГАН. Раньше ли, позже ли — не всё ли равно?

КВЕНТИН. Время идёт. Тебе надо подумать о своей душе.

ЦЫГАН. Если даже у меня и есть душа, она успела пройти такие мытарства...

КВЕНТИН. Говори же, что ты хотел сказать.

ЦЫГАН. Я хочу просить тебя об одной милости. И заплачу за это. Вы же ничего не делаете даром.

КВЕНТИН. Торопись, они уже теряют терпение.

ЦЫГАН. Я пришел сюда в этом проклятом наряде за большую награду от де ла Марка и надеялся получить ещё большую от короля. Я должен был сообщить королю важную тайну.

КВЕНТИН. Говори.

ЦЫГАН. Гийом де ла Марк собрал в стенах Льежа много солдат. И находит новых с помощью сокровищ старого попа. Но он не хочет рисковать. Вот его план: он выждет, пока этот горячка Карл Бургундский явится под стены Льежа, даст ему расположиться лагерем, а ночью сделает вылазку и ударит со всеми своими силами. Часть его войска будет одета во французскую форму и бросится вперед с военным кличем: «Франция, святой Людовик, Дени Монжуа!», как будто в городе находится сильный французский отряд. Всё это вызовет замешательство в рядах бургундцев, и, если только король захочет ему помочь, Арденнский Вепрь не сомневается, что ему удастся наголову разбить бургундскую армию. Вот моя тайна, я дарю её тебе. Распоряжайся ею как хочешь. Помогни или помешай, продай секрет королю Людовику или герцогу, спасай или губи кого хочешь — мне всё равно. Я жалею только об одном, что не могу сам подложить им эту бочку с порохом и погубить их всех.

КВЕНТИН. Это важная тайна.

ЦЫГАН. А теперь моя маленькая просьба.

КВЕНТИН. Говори.

ЦЫГАН. Мой конь. Он пасётся в двух милях к югу отсюда, у заброшенной хижинки угольщика, ты легко найдешь его. Свистни только вот так, кликни его по имени: «Клеппер!» — и он к тебе сам прибежит. Вот его уздечка, спрятал под камзолом. Возьми его себе и заботься. Я не говорю — в память обо мне. Он никогда не покинет тебя. Обещаешь?

КВЕНТИН. Обещаю.

ЦЫГАН. И вот записка для Изабеллы от её тётки Амелины. А под седлом у Клеппера мой кошелек с деньгами. Помни обо мне.

КВЕНТИН. Хочешь, я им заплачу и они ещё немного подождут? А я приведу тебе священника.

ЦЫГАН. Не стоит. Я хочу слиться с природой. Оболочка растворится. Водяные частицы меня вольются в ручьи, частицы земли обогатят мать свою, землю, воздушные — рассеются ветром, а огненные — поддержат блеск светлого Альдебарана. Прощай.

16.

КАРЛ. Итак, союз ваш решен с общего согласия обоих государей, чтобы скрепить вечную дружбу, которая должна соединять Францию и Бургундию.

ОРЛЕАНСКИЙ. Я согласен! То есть, считаю своим долгом исполнить волю его величества.

КОРОЛЬ. Любезный кузен мой, герцог Орлеанский, раз уж я принужден говорить о столь неприятном для меня деле, могу сказать только следующее: мне нет надобности напоминать вам, что, высоко ценя ваши достоинства, я намеревался дать вам супругу из моей собственной семьи. Но мой родич, герцог Бургундский, полагает, что, устраивая иначе вашу судьбу, мы тем самым положим начало вечной дружбе и благоденствию наших держав. А я слишком дорожу тем и другим, чтобы не пожертвовать ради них личными надеждами и желаниями.

КАРЛ. Ну что, графиня. Этот брак — дело решенное, не допускающее ни отсрочек, ни колебаний, хотя вы и не заслужили такой милости своим прежним упорством.

ИЗАБЕЛЛА. Мой герцог и сюзерен, вы мой законный государь, и я обязана вам повиноваться...

КАРЛ. Довольно, довольно! (*Королю*) Ваше величество изволили сегодня принимать участие в охоте на вепря. А что вы скажете, если я предложу вам после обеда поднять волка?

ИЗАБЕЛЛА. Ваша светлость не так меня поняли. Долг повиновения, о котором я говорила, относится только к моим землям и замкам, пожалованным предками вашей светлости моим предкам. И я возвращаю их бургундскому дому. Если вы лишите меня владений, которыми мой род обязан великодушию ваших предков, вы разорвете единственные узы, связывающие нас. Не вы дали мне это бедное тело, не вы вдохнули в него живую душу... То и другое я намерена посвятить богу в монастыре урсулинок.

КАРЛ. Всё это ложь, низкий предлог, чтобы прикрыть какую-то тайную и недостойную страсть! Герцог Орлеанский, она будет ваша, хотя бы мне пришлось собственноручно тащить её к алтарю!

ГРАФИНЯ ДЕ КРЕВКЕР. Государь, гнев заставляет вас произносить недостойные речи. Рукою дворянки нельзя распоряжаться против ее воли. И кроме того, вам, как христианскому государю, не подобает противиться стремлению благочестивой души, желающей покинуть грешный мир и стать невестой Христа.

ДЮНУА. Да и мой кузен, герцог Орлеанский, не может с честью настаивать на своём предложении, после того как он получил формальный отказ.

ОРЛЕАНСКИЙ. Если бы мне дали время... если бы мне дали время убедить графиню и показать себя в более благоприятном свете...

ИЗАБЕЛЛА. Ваше высочество, это совершенно бесполезно.

КАРЛ. Людовик Орлеанский, ручаюсь вам, что не дальше как через час Изабелла даст свое согласие.

ОРЛЕАНСКИЙ. Только не в мою пользу, государь. Для сына Франции достаточно один раз получить формальный отказ.

КАРЛ (*секретарю*). Пиши! Пиши наш приговор о конфискации владений и заключении в тюрьму этой дерзкой ослушницы! В Цухтхауз её, в исправительный дом, в общество разгульных женщин, которые не уступят ей в наглости!

КРЕВКЕР. Ваша светлость, такой приговор требует более зрелого размышления. Мы ваши верные слуги, но мы не можем допустить, чтобы вы запятнали подобным бесчестьем бургундское дворянство и рыцарство. Если графиня провинилась — накажите, но пусть это наказание не позорит её и наше звание и не заставляет нас краснеть за кровное родство и дружеские связи с её домом.

КАРЛ. Ты прав, Кревкер. Мы назначим ей наказание согласно рыцарским законам. Её побег в Льеж был сигналом к убийству епископа — так пусть же тот, кто отомстит за его смерть, кто принесет нам голову Дикого Арденнского Вепря, получит право просить у нас её руки! Всё. Из уважения к памяти вашего отца, покойного графа Рейнольда, я объявляю: чтобы получить приз, победитель должен быть непременно дворянином хорошего рода и незапятнанной репутации, но, будь он хоть беднейшим воином, когда-либо носившим меч, он получит по крайней мере право просить вашей руки. Клянусь в этом святым Георгием, моей герцогской короной и орденом, который я ношу!.. Ну что, господа, надеюсь, что теперь моё решение соответствует законам рыцарства?

Возгласы одобрения.

КРЕВКЕР. Но неужели мы, которым судьба уже дала жён, должны оставаться праздными зрителями? Я дал обет снести голову этому зубастому зверю де ла Марку!

КАРЛ. Не унывай, Кревкер, выигрывай награду и уступи её кому хочешь.

МЕЧЕНЫЙ. Предсказатели говорили, что моя женитьба доставит благоденствие нашей семье.

ШУТ. А обо мне никто и не вспомнил, а между тем я убеждён, что отобью приз.

КОРОЛЬ. Верно, мой мудрый друг. Там, где замешана женщина, величайший дурак имеет больше всего шансов на победу.

Пока все веселятся, Квентин передаёт письмо Изабелле.

ИЗАБЕЛЛА (*тихо читает письмо*). Дорогая племянница! Я совершенно счастлива быть женой одного из храбрейших людей своего века... Мой Гийом... Начала вышивать мужу прелестный камзол с соединёнными гербами

де Круа и де ла Марка, разделёнными вертикально. Но теперь принуждена на время оставить эту работу, так как Гийом из политических соображений намерен в предстоящей битве уступить свою одежду и вооружение кому-нибудь из своих приближенных, а надеть герб Дюнуа с полосой на правой стороне... Надеть герб Дюнуа с полосой на правой стороне. С полосой на правой стороне. На правой стороне.

17.

КВЕНТИН. С этим я пошёл сразу и к королю, и к герцогу. Потому что, если бы только к королю, то бог его знает, что он придумал. Рассказал им обоим, что Вепрь задумал такую хитрость. Людовик сразу поверил. А Карл нет. Но Людовик тут же решил, что его солдаты перевяжут обе руки белыми шарфами, и велел Карлу сообщить это бургундцам. До этого днём бургундцы ворвались в Льеж, но оттуда вышел отряд и их разбил. И вот, наступила ночь. Все спали, но не я. Потому что только я мог узнать его, благодаря тебе, моё счастье.

ИЗАБЕЛЛА. Я так волновалась за тебя.

КВЕНТИН. Я был удивительно бодрый. Вообще не хотел спать. Король поставил меня на пост между нашим лагерем и городом. Я изо всех сил вглядывался в ночь. Башенные часы пробили три часа пополуночи, а кругом было по-прежнему тихо, как в могиле, и не видно никого. И вдруг, как будто гудение пчёл. Такой смутный гул.

ИЗАБЕЛЛА. Боже мой!

КВЕНТИН. Как будто этот гул становился громче. Я сделал знак дяде. Весь отряд пришёл в боевую готовность. Послали гонца к королю. Потом мы услышали топот ног. Мне показалось, что мы отрезаны от предместий сильным отрядом. И я решил подползти ближе. И увидел два отряда, один большой, второй маленький, ближе ко мне. Оттуда вышло двое. Я крикнул им пароль, они не знали его. Я выстрелил из мушкета. Один из них упал.

ИЗАБЕЛЛА. Они же могли убить тебя!

КВЕНТИН. Я побежал, они стреляли вслед. Мы заняли двор ближайшего дома, а король поскакал к герцогу и взял меня с собой. Карл был в истерике. Потому что люди Вепря оделись как французы и действительно с криками «Дени Монжуа!» напали на бургундцев. Все мы поскакали воевать. Карл колот и рубил как простой солдат. Дисциплина наладилась, и по врагу открыли артиллерийский огонь. Людовик воевал спокойно и мужественно, его слушали даже бургундцы. Начало светать. Король дал нам поручение скакать к Дюнуа и передать ему приказ отрезать неприятеля от города. Все вместе, и с нашим отрядом стрелков, мы скакали через поле, усеянное убитыми и ранеными. И тут старый Кроуфорд сказал Дюнуа: «Клянусь небом, я видел тебя только что среди мятежников, ты размахивал палицей и командовал, на том самозванце был твой герб». И я понял, что это он.

ИЗАБЕЛЛА. Он?

КВЕНТИН. Гийом де ла Марк. Я хотел покакать туда один, но со мной поскакал наш отряд. Пробриться к ним было нелегко. Почти весь их отряд был из пехоты, они оцетинились копьями, словно гигантский ёж. Прорвались мы с Дюнуа. Лучший рыцарь Европы и я. Но мы не могли подойти к тому воину с гербом

Дюнуа. Только я знал, что это Вепрь. А Дюнуа увидел другого - с кабаньей головой - и подумал, что это и есть Вепрь. Он поскакал к нему. А я, дядя и ещё несколько шотландцев – мы пытались добраться до того человека с чужим гербом. Он был весь забрызган кровью, даже не видно было уже этот герб на щите. Он занял высокую позицию и крушил всех своей огромной палицей. Я соскочил с коня и пошёл к нему. И тут мы услышали громкие крики – наши ворвались в город. Гийом де ла Марк протрубил в рог, и они стали отступать к той части города, откуда можно было переправиться через Маас. На улицах начался грабёж. Повсюду кричали женщины. Они бы убежали, тем более, в чужой одежде. Если бы не мы. Мы нападали на них, они сражались и снова пытались убежать. Наконец, раздались крики с другого конца улицы: «Франция! Франция!», «Бургундия! Бургундия!» Это значит, больше им бежать было некуда. Я услышал, как он крикнул: «Конрад! Бери людей и постарайся пробиться! Со мной кончено». Его воины бросились по улице, с ним осталось только человек шесть. Он вызывал кого-то из нас сразится один на один, и я вышел вперёд. Он прыгнул на меня со своей палицей, но я увернулся. Я уворачивался всякий раз. Несколько раз я достал его мечом, и он стоял уже в луже крови. Но даже не покачнулся. Сильный. Смелый. Может, он бы убил меня, может, я его. Но тут какая-то женщина крикнула мне: «Квентин!» Я обернулся. Чуть не пропустил удар. Какая-то незнакомая женщина кричала – французский солдат тащил её. Может, мне показалось, что она назвала меня? Может, она звала какого-то другого Квентина. Солдат ударил её по лицу. Она была похожа на мою маму. И я захотел ей помочь.

ИЗАБЕЛЛА. Ты бросил Вепря?

КВЕНТИН. Дядя стал сражаться с ним вместо меня. А я приказал солдату оставить эту женщину. Он уже был пьян. Наверное, я плохой солдат. Хороший солдат ничего не слышит и не видит, пока не убьёт врага. Тем более, такого врага. Прости меня, любимая! Я мог бы потерять тебя!

ИЗАБЕЛЛА. Буду молиться за здоровье Лесли.

КВЕНТИН. Этот солдат стал возмущаться, прибежали его дружки. Город грабили. У всех были дикие глаза. Они стали оттеснять меня куда-то, пришлось снова вытащить меч и пригрозить им. Женщина схватила меня за ноги, рыдала, благодарила... Я нашёл дядю, когда он уже тащил голову Вепря к реке. Хотел бросить её в Маас, представляешь? Потому что Вепрь попросил его перед смертью об этом. А дядя и не знал, кого он убил. Так ты досталась мне. Дядя сказал: «Я порядком поистрепался с годами, уже не гожусь для женитьбы».

ИЗАБЕЛЛА. Так я не попала в монастырь.

КВЕНТИН. А ты правда хотела туда попасть?

ИЗАБЕЛЛА. Я полюбила тебя, когда ты повёз нас с тётёй к епископу. Когда эти двое напали на нас, и ты сразился с ними, а потом снял шлем, чтобы я перевязала тебя.

КВЕНТИН. Я был на седьмом небе.

ИЗАБЕЛЛА. Ты снял шлем, и твои кудри рассыпались по плечам. И ты покраснел, когда я дотронулась до твоей щеки.

КВЕНТИН. И ты.

ИЗАБЕЛЛА. И я.

КОНЕЦ